

МИФОЛОГИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ
О СОТВОРЕНИИ МИРА,
ДЕЯНИЯХ БОГОВ И ГЕРОЕВ

ИМРЕ ТРЕНЧЕНИ-ВАЛЬДАПФЕЛЬ

Имре Тренчени-Вальдапфель

**Мифология. Фантастические
истории о сотворении мира,
деяниях богов и героев**

«Центрполиграф»

1968

УДК 398.22
ББК 82.3(0)

Тренчени-Вальдапфель И.

Мифология. Фантастические истории о сотворении мира, деяниях богов и героев / И. Тренчени-Вальдапфель — «Центрполиграф», 1968

ISBN 978-5-9524-6024-9

Венгерский специалист по древней мифологии Имре Тренчени-Вальдапфель посвятил свою книгу вопросам возникновения древнейших мифов, впоследствии ставших литературными сюжетами многих художественных произведений. Предложив свою оригинальную интерпретацию античных мифов, он выделил несколько тем: мифы о музах, олимпийские боги и герои, троянская эпика, отражение греческих и римских миров в античной словесности, фольклоре и современном наследии и др. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.22

ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-9524-6024-9

© Тренчени-Вальдапфель И., 1968

© Центрполиграф, 1968

Содержание

Происхождение, развитие и значение мифов	6
Направления в мифологии	6
Современное значение сравнительной мифологии	9
Сотворение мира	12
Женщина, вытесанная из дерева	13
Потоп	14
Самсон	16
Амиран	21
Кузнец Велунд	27
Липпо и Тапио	29
Чудесный олень	32
Чингис	32
Царица Неба	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Имре Тренчени-Вальдапфель
Мифология. Фантастические истории о
сотворении мира, деяниях богов и героев

IMRE TRENCÉNYI-WALDAPFEL
MITOLOGIA

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Происхождение, развитие и значение мифов

Направления в мифологии

Перед научной мифологией стоит двойная задача: с одной стороны, выяснение отношения между мифом, мифическим действием и религиозным обрядом (*ritus*), регулярно повторяющимся в строго установленных рамках (бесчисленные примеры таких обрядов известны из истории религии начиная с афинского праздника Прометейи и кончая ежегодным представлением в католической церкви «страстей Господних» на Страстной неделе), с другой стороны, выяснение отношения между мифом и его поэтическими разработками, нередко противоречащими традиционным толкованиям мифа. Научная мифология должна, с одной стороны, исследовать – в рамках истории религии – происхождение мифов, их формирование, а также изменения их смысла в ходе историко-религиозного развития, большей частью бессознательно отражающие общественные изменения; нужно исследовать, с другой стороны, мифы как необходимую дополняющую часть истории литературы и истории искусства, как образы и мотивы, созданные устной народной поэтической традицией в историко-религиозных условиях, но в большей или меньшей степени освободившиеся от религии и представляющие материал для дальнейшего сознательного поэтического развития и художественного творчества.

Мы говорим о двойной задаче мифологии; что же касается античной эпохи, то в этот период эти две задачи неотделимы одна от другой, неотделимы, во-первых, потому, что большей частью мы в состоянии объяснить формирование мифов и их первоначальное религиозное значение только при помощи данных литературы и искусства. Кроме того, любой античный поэт требует особого исследования, чтобы мы могли определить, в какой мере он принимает мифы в религиозном духе, то есть «всерьез»; когда он обращается к мифу, чтобы в иноказательной форме делать свои нападки на религию; и, наконец, когда поэт рассматривает – подновляя памятник античной мифологии в духе новейшей поэзии – мифологические образы только как своего рода украшения, как имеющийся в распоряжении каждого поэта литературный и тематический ассортимент, пользуясь которым поэт может испытать свои собственные поэтические силы на мифе, уже обработанном его предшественником.

Греческая наука, рассматривавшая мифы уже в определенной критической перспективе, считала основоположниками мифологии Гомера и Гесиода; это, в сущности, подчеркивал и «отец истории» Геродот; это признавали, сопровождая свое признание тяжелыми упреками по адресу Гомера и Гесиода, Ксенофан и другие философы. Насколько справедливо это мнение?

Древние формы мифов – те основные формы, которые сходны в том или другом отношении у самых различных народов, что определяется сравнительной мифологией, – возникли на той ступени человеческого сознания, когда переплетались, еще не отделившись, фантазия, познание и вера, позднее обособившиеся друг от друга. Их обособленность, дифференциация в ходе развития греческой культуры определилась и, вероятно, достигла довольно значительной степени уже за несколько столетий до Гесиода и Гомера. В том поэтическом устном предании, обильным, красочным, но изменчивым материалом которого в VIII и частично в VII веке до н. э. пользовались Гомер и Гесиод, древние формы мифа (то есть те примитивные формы, которые при одинаковых условиях развития составляют более или менее идентичное содержание в преданиях самых различных народов) уже обогатились собственным историческим опытом греческих племен, а отчасти традицией более развитых народов. Заслугой Гомера и Гесиода является то, что они усмотрели значение мифа для поэзии именно в бесконечной возможности его вариантов. Этой возможностью Гомер и Гесиод пользовались с поразительным художе-

ственным чутьем. На основе расплывчатого, аморфного устного предания они впервые создали такие поэтические произведения, которые сами по себе требовали определенной формы и в то же время побуждали других создателей к выявлению все новых и новых возможностей мифа.

Так попадает мифология – и более всех греческая – в сферу воздействия воображения, хотя параллельно с этим в рамках верований древние формы мифа застывают в ритуале именно благодаря ритуалу, то есть религиозному обряду, суеверному действию, обязательному повторяющемуся установлению. Само собой разумеется, что поэзия, основанная на мифологии, может полностью оторваться от религии только в очень редком случае – большей частью тогда, когда она прямо выступает против религии – например, во II веке до н. э. в сатирическом диалоге, в мифе, обработанном Лукианом, – однако она с течением времени все больше освобождается от религиозных пут.

Значение вполне объективного познания мира раскрывается гораздо позднее. Гесиод, по своему даже и Гомер, а после них крупнейшие поэты, воспроизводившие мифы в своем творчестве, не без основания указывают, что в чудесных словах мифов сияет свет правды. Все же, как только греческая философия заложила первые методологические основы научного познания природы и общества, что имело всемирно-историческое значение, она прежде всего резко выступила против поэзии из-за ее мифологического содержания. Среди греческих философов самым решительным образом выступал против мифологии Ксенофан (VI–V вв. до н. э.). По его мнению, Гомер и Гесиод выдумали мифы и оклеветали богов, приписав им все людское коварство: боги воруют, обманывают друг друга, нарушают святость брака, и люди привыкают считать поэтические образы богов за действительные. Но Ксенофан ведет борьбу не только против тех черт богов, которые вызывают возражения с моральной точки зрения, он вообще отвергает мифологию из-за ее антропоморфизма, то есть изображения богов в человеческом облике, наделения их человеческими свойствами (по-гречески *antropos* – человек; *morphe* – образ). Он уже понял, что люди создали богов по образу своему и подобию, и поэтому эфиопы представляют богов курносыми и черными, подобными эфиопам, а фракийцы представляют их голубоглазыми и рыжеволосыми, как фракийцы. И даже – Ксенофан направляет эту острую насмешку против стоящих в одном ряду с поэтами художников – если бы быки и лошади умели рисовать и ваять статуи, то их боги приняли бы вид лошадей и рогатого скота.

Правда, греческая философия, особенно космогония (учение о происхождении мира), вначале сама не порывала нитей, связующих ее с мифами, как с древнейшей формой познания и объяснения мира. Гомер, например, говорил, что древнее море, охватывающее весь мир, – Океан, является отцом мира, а матерью мира – супруга Океана, морская богиня Тефия. Фалес, с которого обычно начинают историю греческой философии (VI в. до н. э.), вопреки поставленным чисто научным целям, не расходится все же с этой мифологической точкой зрения, когда учит, что все происходит из воды – первоэлемента. Но философы скоро поняли, что их объяснение мира может обрести силу только путем вытеснения мифологии; поэтому-то они и стали самыми настоящими «иконоборцами» мифа. Были философы, которые пробовали обезвредить мифы тем, что старались дать разумное объяснение возникновению мифов. Тем самым они стали основателями научной мифологии. Метродор, лампсийский ученик Анаксагора (V в. до н. э.), первый стал толковать мифы Гомера как аллегорическое изображение явлений природы. Евгемер (III в. до н. э.) полагал, что в богах раскрываются образы исторических личностей, благоговейно хранимые в памяти людей, он ищет в мифах воспоминаний об исторических событиях. По имени последнего мы и называем евгемеризмом такое толкование мифов, которое определяет миф только как воспоминание об исторических событиях, расцветшее народной фантазией и видоизмененное в процессе передачи от поколения к поколению. Имена Метродора и Евгемера стали нарицательными для господствующих направлений современной мифологии, которые нередко догматически противопоставляют одно другому.

Приверженцы первого все мифы сводили к наблюдениям первобытных людей за небесными телами и другими природными явлениями.

Сторонники второго старались в каждом отдельном случае извлечь из мифа зерно исторического события. Согласно толкованию первых, борьба двух богов в мифологии всегда олицетворяет борьбу дня и ночи, света и тьмы; в соответствии с мнением вторых, это всегда сохранившееся воспоминание о столкновении двух народов, почитавших различных богов, – двух религиозных общин. «Солярное» толкование мифов (от латинского слова *sol* – солнце) приводит, например, к тому, что двух детей Латоны, сверкающих близнецов Аполлона и Артемиду, рассматривают не более как солнце и луну. Согласно современному евгемеризму, кентавры были народом всадников, которых древнее население, еще не знавшее лошадей, считало спрощенными с конями. Сторонники метода сравнительной мифологии или сопоставляли мифы тех народов, которых сравнительное языковедение считало родственными, и таким образом старались «воссоздать» мифологию «первобытного народа», или собирали данные среди самых различных народов во всех концах мира для выявления общих черт «примитивной культуры». Но в большинстве случаев, к сожалению, и они довольствовались тем, что объясняли первоначальное содержание мифов движением небесных тел и другими природными явлениями или впадали в другую крайность и выводили из страха смерти «первобытного человека» и из его представления о загробной жизни все религиозные понятия, а вместе с ними также и мифологию.

По существу подлежит критике и то этнологическое направление, которое видит в мифах проявление закономерностей «примитивного разума», совершенно отличного от нашего мышления; это направление только потому можно назвать более «трезвым», чем предыдущее, что оно ни от кого не требует возвращения назад, к примитивному образу мыслей, и, во всяком случае, считает обязательным это возвращение назад лишь для тех, кто хочет проникнуть в «сущность мифа». Однако этот метод, как отрывающий законы «мышления» от законов действительности и таким образом отрывающий миф от его исторической среды, от его связей с обществом, – этот чисто идеалистический метод непригоден для научного исследования происхождения, развития и значения мифа.

Современное значение сравнительной мифологии

Результатом развития первобытных обществ, протекавшего в общих чертах одинаково, неизбежно явилось то, что образы богов и богинь, а также мифы о них явились порождением фантазии не только греческого народа, но и народов всех стран мира; они возникали всюду, где люди, объединившись в большие или меньшие племена, вели борьбу за свое существование, делая в ходе этой борьбы попытки заставить силы природы служить себе. Из общей закономерности общественного развития вытекает и следующий вывод сравнительной мифологии: нередко случается, что нам бросается в глаза совпадение мифов различных народов; это можно объяснить не только общим происхождением родственных народов, а там, где такого древнего родства не существовало, не только взаимными влияниями соприкасавшихся друг с другом народов, заимствованиями и передачей мифов, хотя, несомненно, можно привести многочисленные примеры того и другого. Так, некоторые родственные черты греческого Зевса, римского Юпитера, славянского Перуна, германского Тора или Донара, Одина или Вуотана и даже Цию объясняются, вероятно, их общим индогерманским происхождением. Греки, с другой стороны (в первую очередь, конечно, при посредничестве финикийцев, а частично и хеттов), очень рано познакомились с месопотамскими мифами. Определенная вероятность заимствований подтверждается, например, тем, что индогерманский по своему происхождению миф о похищении огня в сказочной Колхиде (на территории современной Грузии) в мифе о Прометее получил черты известного кавказского мифа. Греческий миф о Персее мог дойти в Среднюю Азию тем самым путем, каким дошла туда романтическая биография Александра Великого.

Следует уделить особое внимание третьей группе совпадений в мифах различных народов, тех совпадений, которые нельзя объяснить ни общим происхождением, ни взаимным влиянием. Такого рода совпадения следует объяснять тождественностью природных или общественных условий, нашедших отражение в мифах. Само собой разумеется, что, говоря о естественных условиях, отраженных в мифах, мы имеем в виду отношения природы и человека, характерные для определенной ступени общественного развития. Так, в чрезвычайно распространенных группах мифов о добывании огня или о животных-прародителях нашли отражение не просто представления о таинственной природе огня или об особенностях животных, но в них отразились и первые шаги человека на пути преобразования природы, ведущие к преобразованию природы и самого человека. Эти мифы документальны в отношении истории племенной организации и характерных для периода тотемизма стадий ее развития и при научном их использовании могут служить в качестве достоверных исторических источников.

Миф является отражением действительных условий жизни людей. И так как на базе этих условий возникают одинаковые закономерности развития, мифологическое отражение аналогичных стадий развивающегося общества неизбежно обнаруживает более или менее схожие черты. Матриархат является всюду закономерным этапом развития родового строя. Мы должны особенно подчеркнуть это положение. Мы встречаем следы матриархата в различных мифологиях. Имеется также множество мифов, сохранивших следы поражения матриархата и победы над ним отцовского права.

Так мы расцениваем, например, тот факт, что, кроме греческого мифа, в целом ряде переднеазиатских, американских, африканских, финно-угорских и других мифов и сказок – в том числе и в венгерских народных преданиях – женское любопытство, в большинстве случаев любопытство первой женщины, навлекло на людей множество бед и несчастий. Добавим, что в этом цикле мифов имя греческой Пандоры и библейской Евы было на ранней стадии развития мифологии равнозначно имени Богини-Земли, матери-природы. Из этого явствует, что различные аналогии мифу о Пандоре у различных народов всюду возникли тогда, когда почитание Богини-Матери имело первостепенное значение в условиях матриархата. Впоследствии

роль женщины стали оценивать не так высоко. Воспоминания об этом сохранились в мифах, созданных позднее. К числу таких мифов относится индийско-иранская сказка о вырезанной из дерева женщине, возбудившей ссору между друзьями. По всем данным, эта сказка является новеллистической переработкой космогонического мифа о первой женщине.

Конечно, сравнительная мифология не удовлетворяется сопоставлением таких основных мотивов мифов, которые на начальной ступени развития возникали большей частью на почве религии; следует обратить внимание на такие мифологические композиции, которые, почерпнув свои основные мотивы из религиозной сферы, продолжали свободно развертывать их на последующих этапах общественного развития и часто уже не только бессознательно отражали действительное состояние общества на данном этапе, но сознательно занимали определенную позицию в вопросах, выдвигаемых развитием общества. Но здесь уже – и это прежде всего касается греческой мифологии – сознательное развитие мифа вызывало к жизни чрезвычайно богатство художественных форм и еще более – относящихся к ним мифологических вариантов. Для того чтобы сравнение мифов в их самой развитой форме могло привести к определенным выводам, нам следует припомнить единственный пример параллелизма двух мифологических фигур, не находящего объяснения ни в общем происхождении, ни в заимствовании фигур, отстоящих далеко друг от друга и в пространстве, и во времени, и даже в отношении стадий общественного развития, продуктом которого они явились.

Русская былина о Садко, богатом новгородском госте, на каждом шагу напоминает хорошо известные из греческой мифологии черты, хотя эта былина не содержит ни одного указания на памятники классической древности. Сам Садко родствен таким героям греческой мифологии, как Орфей или Амфион, которые были способны своей музыкой очаровывать природу, но гораздо более он родствен Одиссею, герою, объехавшему по морю множество земель, узнавшему обычаи многих народов. Морскому царю с его трижды тремястами морских дев можно найти параллель среди греческих морских богов, и прежде всего в Нерее и его бесчисленных дочерях – Нереидах, олицетворявших играющие волны величественно пугающего моря. Морской царь, желающий заманить к себе Садко, останавливает посреди моря тридцать кораблей так же, как это сделал Посейдон с кораблями феаков, хотя последний опоздал, ибо преследуемый мстью Посейдона Одиссеей, обманув бдительность морских богов, уже высадился на берег. Задержанный в глубине моря Садко был вынужден взять в жены одну из морских дев, но он не касается ее поцелуем, ибо тоскует по своему родному городу Новгороду, где его ожидает жена. Эту морскую деву зовут Черnavой. Имя ее, вероятно, указывает на мрак смерти. образу Черnavы можно найти параллель в образе нимфы Калипсо, которая на далеком морском острове удерживает своей двусмысленной любовью, означающей одновременно и смерть и бессмертие, Одиссея, стремящегося на остров Итаку, к Пенелопе. Имя ее (*kaluptein* означает «спрятать») указывает на все скрывающую смерть. Родство отдельных мотивов, несомненно, указывает на очень древние мифологические представления. Но еще более существенным является сходство общего настроения былины о Садко и Одиссее, что и позволяет поставить эти два произведения рядом, причем вовсе не следует думать, что при составлении былины был известен гомеровский эпос. Впрочем, Садко является историческим лицом: новгородские хроники отмечают, что богач Садко Ситинич в 1167 году построил новгородскую церковь Святых Бориса и Глеба.

Общественным фоном Одиссеи Гомера является греческое рабовладельческое общество. Записанная в XIX веке былина, сделавшаяся всемирно известной благодаря опере Римского-Корсакова, сохранила в устном предании русского народа исторические воспоминания о раннем феодализме на Руси. Следует, однако, сказать, что в развитии ионических торговых городов и средневекового Новгорода существовала общая черта – то значение, которое имела в этих местах торговля. Естественные условия малоазийского греческого побережья так же способствовали морской торговле, как и благоприятное положение Новгорода близ озера Иль-

мень, откуда по реке Волхову, соединяющему озеро Ильмень с Ладожским озером, и по Неве, вытекающей из Ладожского озера, открывался выход в море. Условия плавания новгородцев под парусами и еще без компаса не отличались по существу от условий плавания малоазийских греков. Эти условия превращали морскую торговлю в героические походы, которые в случае благоприятного исхода обещали герою, кроме богатой прибыли, славу и чудесный опыт. Двойственность морских чар, суливших и далекие красоты и смертельную опасность, непримиримые противоречия сменяющих друг друга в душе морехода жажды приключений и тоски по родине – вот те переживания, которые возникали если и не в тождественных, то с известной точки зрения в аналогичных общественных условиях и нашли для себя, независимо друг от друга, по существу тождественное мифологическое выражение при новой группировке древних мифологических элементов.

Однако в исторической обстановке греческой мифологии было присуще некоторое своеобразие. Такого рода искусство, основанное на свободном развитии мифологии, нигде не могло существовать в Европе Средних веков и Нового времени. Это станет само собой понятным, если мы примем во внимание роль церкви. Ролью церкви объясняется по крайней мере состояние литературы указанного периода: господствующий класс в Средние века повсюду обладал более или менее международной по своему характеру литературой, которая основывалась именно на традициях греко-римской культуры, но в пределах этой литературы классическую мифологию самое большее можно рассматривать как систему образов, лишенных свободной гибкости живой мифологической традиции. Те элементы мифологии, которые могли еще продолжать свое существование в изменившихся условиях, жили, постоянно меняя свои образы, лишь в эпической устной традиции народа. По крайней мере, кельтские и германские мифы в Средние века получили даже литературную обработку, но они не имели такого исключительного значения, какое имела греческая мифология в свое время. Важнейшим источником мифологии различных народов являются те устные предания, которые были записаны учеными-собирающими в Новое время или обработаны такими великими поэтами, как Пушкин или Петефи, которые этой обработкой выражали свои демократические чаяния.

Таким образом, мы можем сравнивать своеобразие греческой мифологии лишь с мифологией народов древности. У каждой подлинной поэзии и у каждого подлинного искусства есть что высказать о человеке и для человека. Греческую мифологию пригодной для такого высказывания о человеке и для человека делало в первую очередь именно то, за что осуждал ее Ксенофан: пластичный антропоморфизм ее богов, то есть их человеческий облик, в сущности, человеческие рамки их деятельности. Греческая мифология быстрее других мифологий прошла стадию териоморфизма. Неясные упоминания в отдельных мифах о Посейдоне в образе коня, о Зевсе в образе древнего быка, о «совиных глазах» Афины Паллады, о «коровьих глазах» Геры, а также и другие подобные этим пережитки, свидетельствующие о териоморфном происхождении антропоморфных богов, уже в самых древних памятниках греческой поэзии не мешали поэтам выражать в поступках богов столкновения подлинно человеческих страстей, видеть человеческие возможности в божественных деяниях.

Боги греческой мифологии не давили кошмаром на человеческую душу в отличие от образов, созданных религией. Так, например, в легенде о происхождении фессалийского праздника Пелории дана разновидность Зевса в образе чудовища-гиганта Зевса Пелора. У Гомера этот эпитет (пелор, *peloros*), несомненно, как остаток древнего наслоения мифологии, только в особом случае относится к Аресу, кровожадному богу войны, и к Гефесту, хромому богу-кузнецу, которым противопоставляется прекрасный девический облик Афины Паллады, покровительницы достойной человека организованной борьбы, богини, разумно управляющей тонким искусством ремесла в противовес грубой физической силе бога-кузнеца. В греческой мифологии, поднявшейся над уровнем религиозных представлений, чудовищные образы фигурируют лишь в исключительных случаях, большей частью в качестве врагов богов; их побеж-

дают или сами боги, или сыновья богов – герои, так что эти образы не подавляют человека. Наоборот, их падение освобождает человека от гнета ужасов, связанных с религиозными верованиями. Греческая поэзия и греческое искусство, наставники поэзии и искусства всех более поздних эпох, неизгладимо запечатлели в памяти людей самые прекрасные сны детства человечества, греческие мифы.

Нашу книгу мы посвятили прежде всего греческой мифологии и непосредственно к ней примыкающей римской, которая в ряде случаев выступает в качестве посредницы между греческой мифологией и нами. Однако перед изложением греческих мифов приводим несколько примеров из мифологии других народов для сопоставления с ними.

Сотворение мира *Мифы ацтеков*

Первая чета богов – «господин и госпожа нашей плоти» – Шочикецал – долго жила на тринадцатом небе, о происхождении которого никому никогда не удалось узнать. У них родилось четверо сыновей; самым старшим был Красный Тескатлипока, которого называли так потому, что он был совершенно красный, когда родился. Вторым сыном был Черный Тескатлипока – из всех сыновей он был самым большим и самым злым, ибо обладал наибольшей силой, он все знал и на многое был способен, в отличие от остальных троих сыновей, так как находился в центре всего сущего; был он совершенно черный, когда родился. Третьим сыном был Кецалкоатль, которого называли также Ночью или Ветром, а самым младшим, четвертым сыном был Уицилопочтли, которого звали также Двуглавой Змеей и которого мексиканцы почитали самым главным своим богом.

Уицилопочтли, когда он родился, представлял собою совершенно голый скелет, мяса на нем не было, и таким он оставался в течение шестисот лет. За это время боги ничего не совершали.

По прошествии шестисот лет четверо богов собрались на совет и сочли нужным принести в мир порядок и законы. Кецалкоатлю и Уицилопочтли поручили установить порядок в делах. Эти двое богов по поручению двух других и в согласии с ними прежде всего сотворили огонь, а затем одну половину солнечного диска, но Солнце, так как оно не было еще полным, светило слабо.

Богиню Земли спустили с неба двое богов – Кецалкоатль и Тескатлипока. Вода уже существовала ранее, и никто не знает, кто ее создал. Сначала богиня лишь плавала по поверхности этой воды, и когда увидели это боги, то сказали друг другу:

– Пришло время создать землю.

Тогда двое богов превратились в огромных змей, одна из них схватила богиню за правую руку, вторая – за левую ногу, и, разорвав ее таким образом, они создали землю из той ее половины, которая начинается у лопаток, а вторую половину возвратили на небо. Разгневались за это остальные боги, и, чтобы умилостивить богиню Земли, они решили, что из нее произойдет вся та пища, в которой будет нуждаться человек для сохранения своей жизни.

Затем боги создали из волос богини Земли деревья, цветы и травы, и из ее покрытой пушком кожи – все мелкие растения и небольшие цветочки, из ее двух глаз – источники, ручьи и маленькие пещеры, из ее рта – реки и большие пещеры, из ее носа – долины, из ее плечей – горы.

Иногда богиня Земли кричала в ночи и тосковала по человеческим сердцам. Она не могла успокоиться до тех пор, пока ей не дали того, чего она просила, и она не желала приносить урожай, пока не напилась крови.

Однажды рано утром бог Солнца пустил с неба стрелу, и эта стрела упала на место Тетц-кально, туда, где сейчас находится город. Там, где стрела вонзилась в землю, образовалось отверстие, и из этого отверстия вышли мужчина и женщина. Мужчину назвали Кобчиком, а женщину – Длинным Волосом.

Сказали однажды боги друг другу:

– Люди всегда будут печальны, если мы не дадим им того, чем они могут утешать свои сердца, наполнять радостью свою жизнь на земле, а также прославлять нас, петь и танцевать.

Когда услышал это Кетцалкоатль, бог Ночи и Ветра, он стал упорно ломать себе голову, где найти такой напиток, который он мог бы даровать людям, чтобы принести им радость. Вспомнил он об одной божественной девушке по имени Маяуэл, которая жила далеко-далеко под охраной своей бабушки, богини Цицимиме.

Недолго думая, он отправился к ним. Их обоих он нашел спящими. Он разбудил божественную деву и сказал ей:

– Я пришел за тобой, чтобы отвести тебя в мир.

Девушка с радостью согласилась. Кетцалкоатль посадил ее на плечи, и они вместе спустились с неба на землю. Прибыв на землю, превратились в дерево, имевшее две ветви: одна ветвь была ветвью ивы, которая представляла самого бога – Кетцалкоатля, а другая была ветвью цветущего дерева, это была божественная дева Маяуэл.

Между тем проснулась Цицимиме и, не найдя рядом с собой своей внучки, воплями собрала нескольких богинь, которые назывались также Цицимиме, и все они сошли на землю, чтобы найти бога Ночи и Ветра, который заставил бежать Маяуэл. В тот момент, когда они достигли земли, дерево раскололось надвое, и ветвь ивы отделилась от цветущей ветви.

Старая богиня тотчас узнала в цветущей ветви свою внучку, разломала эту ветвь на несколько мелких кусков и раздала богиням, чтобы те съели их. Ветвь же ивы они не разломали, а оставили лежать на земле, и, как только богини отправились обратно на небо, Кетцалкоатль снова принял свой божественный облик и собрал кости Маяуэл, которые разбросали по земле Цицимиме и другие богини.

Кетцалкоатль зарыл в землю эти кости, и из них выросла агава, из сока которой индейцы готовят опьяняющий напиток¹.

Женщина, вытесанная из дерева ***Иранский вариант индийской сказки***

Случилось когда-то, что ювелир, плотник, портной и отшельник путешествовали вместе. Остановившись однажды вечером на отдых в пустынном месте, они сказали друг другу:

– Отдохнем здесь и выставим охрану: будем сторожить все четверо, сменяя друг друга.

Первым сторожил плотник. Чтобы не уснуть, он взял топор и вытесал из дерева женскую фигуру. Когда пришла очередь сторожить ювелиру, он нашел на посту эту фигуру и, заметив, что на ней нет драгоценностей, подумал: «Плотник показал свое искусство, вытесав из дерева эту статую. Покажу и я свое умение и приготовлю драгоценные украшения для ушей, шеи, рук и ног и надену все это на статую, чтобы сделать ее красивее».

Так он и сделал. В третьей смене пришла очередь сторожить портному. Тот проснулся и увидел перед собой женщину с прелестным лицом и изящной фигурой, на ней были драгоценности, но она была голая. Тогда портной, в свою очередь, приготовил для этой женщины прекрасную одежду, подобающую невесте, тотчас же нарядил статую, и она стала еще прекрасней, чем прежде. Четвертым сторожил отшельник. Заняв свой пост, он увидел соблазнительно

---

¹ W. Krickeberg. *Marchen der Azteken und Inkaperuaner Maya und Muisca*. Jena, 1928. S. 3–6, 12–14.

прекрасный образ. Он совершил ритуальное омовение, произнес молитвы, а потом обратился к богу с мольбой:

– Боже мой, дай жизнь этой статуе!

И в статую вселилась жизнь, она стала говорить, подобно дочери людской.

Но вот минула ночь и взошло солнце; и все четверо оказались смертельно влюбленными в эту ожившую статую. Сказал плотник:

– Эта женщина моя, ведь я вытесал ее собственными руками. Я беру ее себе в жены.

– Женщина принадлежит мне, так как я украсил ее драгоценностями, – ответил на это ювелир.

– Женщина моя, ибо, когда она была голая, я сшил ей одежду и одел ее, – высказал свое мнение портной.

В ответ на это отшельник заявил:

– Она была просто вытесанной из дерева фигурой, но благодаря моей молитве она получила жизнь, поэтому я настаиваю на том, чтобы она стала моей.

Так они спорили долго, пока им не попался какой-то человек, которого они и попросили рассудить их. Но когда тот увидел лицо женщины, он воскликнул:

– Да ведь это моя законная жена! Вы заставили ее бежать из моего дома и разлучили со мной.

С этими словами он схватил женщину и повел ее к владельцу замка. Когда же владелец замка увидел лицо женщины, он воскликнул:

– Ведь это жена моего брата, которую он взял с собой, когда уезжал, а вы убили моего брата и насильно увели его жену! – И повел он их всех уже к царю.

Когда царь увидел лицо женщины, он допросил всех и сказал так:

– Кто вы такие? Давно уже я ищу эту женщину, ибо она моя рабыня, скрывшаяся вместе с моими деньгами. Куда вы девали мое золото и драгоценности? Отвечайте!

Ссора длилась уже долго, множество народу собралось, чтобы посмотреть, что же будет дальше. Сказал тогда один старец из толпы:

– Этот спор человек не может разрешить. Но есть один город, и в нем дерево, оно называется Деревом Приговора. Каждую тяжбу, которой человек не может дать справедливого решения, разбирают перед этим деревом, из дерева раздается голос, возвещающий, на чьей стороне правда и чьи требования ложны.

Чтобы не откладывать дела, все семь человек пришли к дереву и привели с собой женщину. Каждый сказал то, что собирался сказать. В этот момент ствол дерева раскололся, а женщина одним прыжком оказалась в образовавшейся трещине, после чего ствол снова сросся. И из дерева прозвучал голос:

– Каждое существо возвращается снова к тому изначальному материалу, из которого оно произошло.

Так были пристыжены все семь женихов женщины².

Потоп

По вавилонскому эпосу о Гильгамеше

Собрались боги и решили, что они нашьют потоп на грешный мир. Были при этом Ану, отец богов, Энлиль, царь богов, их сопровождали бог войны Нимурта и владыка подземного мира Эннуги. Но присутствовал там и прекрасноокий Эа, бог мудрости, любивший людей. Он и выдал благочестивому Утнапиштиму замысел богов.

---

² C.J.L. Iken. Das persische Papagaienbuch (Tuti Nameh), Neudruck mit einer Einleitung von R. Schmidt. Berlin – Leipzig, e. n. S. 60–65.

– Сын Убара-Туту, – сказал Утнапиштим бог, – разрушь свой дом и построй вместо него корабль. Не заботься о своем имуществе, радуйся, если сможешь спасти свою жизнь. Но возьми с собой на корабль различные живые существа!

Ответил Утнапиштим богу:

– Я понял твои слова и буду действовать по твоему указанию. Но что я скажу в городе народу и его старейшинам, если они заметят мои приготовления?

Тогда научил Эа человека, которого он решил спасти:

– Скажи им следующее: «Я увидел, что Энлиль, бог Ниппура, разгневался на меня. Поэтому я не могу более оставаться здесь, в вашем городе, в земле Энлиля. Я перехожу на священную воду моря, чтобы жить у Эа, моего господина. Но на вас боги нашлют дождь богатства, вследствие чего ваша жатва будет еще богаче».

На следующий день на рассвете Утнапиштим приступил к работе, как ему приказал Эа. На пятый день определилась форма судна; стены его были высотой в сто двадцать локтей, крыша – шириной в сто двадцать локтей. Построил Утнапиштим шесть ярусов, внутри судна сделал девять отделений и снаружи – семь.

Перед заходом солнца корабль был готов. Утнапиштим устроил прощальное торжество, принес жертвы богам, а народ угостил вином, мясом и маслом. Затем он нагрузил корабль, собрав туда все, что у него было, – серебро, золото и различных животных. Привел он на корабль и всю свою семью, весь свой род, а с ними различных ремесленников.

Шамаш, бог Солнца, так определил время отправления в путь:

– В один из вечеров тот, кто покрывает мир мраком, прольет страшный дождь, тогда ступай сам на корабль и запрети хорошенько на засов двери.

Это время пришло; тот, кто покрывает мир мраком, в один из вечеров пролил страшный дождь на землю, но вскоре черные тучи так закрыли небо, что Утнапиштим боялся взглянуть на него. Он перешел на корабль, запер двери и вручил себя самого со всем своим имуществом Пусур-Амурри, корабельщику.

К рассвету из черной тучи загремел гром Адад, бог бури, перед ним побежали, перескакивая через горы и долины, посланцы богов Шуллаат и Ханиш. Иррагаль, бог подземного мира, снес все строения. Нимурта, бог войны, разрушил плотины, боги подземного мира, по имени Аннуаки, схватили факелы и осветили дальние края ужасным светом. Адад дошел до неба, закрыл все сумраком и разбил землю, словно дрянной глиняный сосуд.

Самих богов наполнил ужасом страшный вихрь, они прибежали на небо к Ану и присели на корточки у стены, как перепуганные псы. Иштар, звонкоголосая богиня, неистово завывала от огорчения:

– Как же я могла согласиться в совете богов на такое опустошение! Ведь я сама породила людей, а теперь они, словно рыбы, кишат в море!

Шесть дней и шесть ночей продолжалась буря, а на седьмой день утих южный ветер, обладавший разрушительной силой, успокоились морские волны и отступили назад в свои берега.

Утнапиштим поглядел через маленькое отверстие своего корабля, и лицо его залили слезы, когда он увидел, какие опустошения произошли вокруг. Буря утихла, но потоп опустошил весь человеческий мир. Корабль остановился на горе Низир. Гора Низир задержала его, корабль не качался, но и не мог двигаться далее в течение нескольких дней.

Так прошло еще шесть дней и шесть ночей.

На седьмой день Утнапиштим выпустил голубя с корабля, голубь вылетел и вскоре вернулся назад, потому что нигде не нашел себе места, чтобы отдохнуть. Тогда Утнапиштим выпустил ласточку. Ласточка вылетела и вскоре вернулась, так как нигде не нашла себе места, чтобы отдохнуть. Выпустил наконец Утнапиштим ворона, ворон полетел и, увидев, что вода пошла на убыль, быстро отыскал себе пищу и уже не вернулся назад.

Тогда Утнапиштим отпустил с корабля на все четыре стороны живые существа и принес на вершине горы жертву богам. Почувствовали боги аромат жертвы и пришли на этот аромат все до одного. Пришла Иштар и, подняв высоко свои драгоценные украшения, сказала:

– Послушайте меня, боги! Как не забываю я о драгоценном ожерелье на своей шее, так никогда не забуду я и об этих днях. Пусть все боги придут на жертвенный пир, но Энлиль пусть остается вдали, так как это он решил устроить потоп и погубить моих людей.

Но пришел также и Энлиль, он увидел корабль, и сердце его наполнилось гневом.

– Так все-таки одно живое существо спаслось! Но ведь было решено, что ни один человек не останется в живых!

Сказал на это Нимурта:

– Кто другой, кроме Эа, мог это придумать!

Заговорил Эа и сказал Энлилю:

– Как ты мог быть столь безрассудным и затопить весь мир? Кто грешен, пусть тот и будет наказан, но ведь Утнапиштиму ты не хотел гибели. Вместо потопа можно было бы насрать на людей львов или волков, чтобы звери произвели среди них опустошения. Вместо потопа можно было бы устроить у людей голод или мог бы напасть на них Ирра, бог губительного мора, и ряды людей поредели бы. Впрочем, я не сам выдал тайну великих богов, я ниспослал лишь сон Утнапиштиму, и он, самый мудрый среди людей, познал во сне тайну великих богов. Теперь же примите его благосклонно!

Сказал так Эа и вступил на корабль, взял за руку Утнапиштима и свел его на сушу вместе с его женой. Затем Утнапиштим и его жена опустились на колени, между ними стал Эа, коснулся их лбов и благословил их:

– До сих пор Утнапиштим был человеком, теперь же Утнапиштим и его жена будут подобны нам, богам! Пусть Утнапиштим живет в отдалении, около устья рек!

И увели тогда боги Утнапиштима далеко, к устью рек, и приказали ему поселиться там³.

Самсон

Библейское предание

Жил когда-то человек из племени Данова в Цоре, звали его Маной. Жена его была неплодной: не было у нее детей. И явился однажды женщине ангел Господень и сказал ей:

– Вот, ты до сих пор была неплодной, но скоро ты родишь сына. Только остерегайся, не пей вина и не ешь ничего нечистого, а когда родишь ты ребенка, пусть не коснется его головы бритва, потому что уже от чрева матери ребенок этот будет назорей, избранник Божий, и начнет он спасать Израиль от руки филистимлян.

Пришла жена и сказала своему мужу:

– Приходил ко мне человек Божий, весьма почтенный, и похож он был на ангела Яхве, и я не спросила его, откуда он пришел, а он не сказал имени своего. Обещал он мне, что будет у меня сын, только не должна я пить вина и других опьяняющих напитков и есть нечистое, потому что ребенок от самого чрева матери до своей смерти будет назореем.

Помолился Маной Яхве и сказал:

– Прошу тебя, Господи, пусть придет к нам опять Божий человек, которого посылал ты, и научит нас, что делать с имеющим родиться ребенком.

Услышал Бог голос Маноя и снова послал Божьего посланца к жене его, когда та была в поле, а мужа ее Маноя не было рядом. Побежала жена быстро к мужу и сказала:

– Снова явился человек, который приходил ко мне.

Встал Маной, пошел с женой своею, подошел к человеку и сказал ему:

---

³ A. Ungnad. Die Religion der Babylonier und Assyrer. Jena, 1921. S. 102–109.

– Ты ли тот человек, что говорил с этой женщиной?

Тот ответил:

– Да, я.

Тогда сказал Маной:

– Пусть сбудутся твои слова. Но что делать нам с младенцем, как с ним поступать?

Ответил посланник Яхве Маню:

– Пусть остерегается всего того, о чем я говорил твоей жене. Не ест ничего, что производит виноградная лоза, не пьет вина, не ест ничего нечистого, соблюдает все, что я приказал ей.

Сказал Маной:

– Позволь удержать тебя, пока мы приготовим для тебя козленка, чтобы почтить тебя.

Но ответил посланник Яхве Маню:

– Хотя бы ты и удержал меня, но я не буду есть хлеба твоего, если же хочешь совершить всесожжение Господу, то вознеси его.

Маной же не знал, что перед ним ангел Господень. И спросил:

– Как твое имя? Если сбудутся слова твои, как прославить тебя?

Но ответил ангел Яхве:

– Что ты спрашиваешь об имени моем? Оно чудно.

Взял тогда Маной козлёнка и хлебное приношение и вознес на камне жертву Яхве, и произошло там чудо, которое видели Маной и жена его. Как только поднялось от жертвенника к небу пламя, поднялся в пламени жертвенника посланник Яхве. Видя это, Маной и жена его пали ниц на землю. И невидим стал Маню и его жене посланник Яхве, но тогда узнал Маной, что был это ангел Господень.

И сказал Маной жене своей:

– Верно, мы умрем, ибо видели мы Бога.

Но ответила жена:

– Не может Бог хотеть нашей смерти, не принял бы он из наших рук всесожжения и хлебного приношения и не показал бы нам всего того и теперь не открыл бы нам сего.

И родился сын, и назвали его Самсон, рос он, и благословлял его Яхве...

Пошел Самсон в Тимнафу и увидел там среди филистимских девушек одну. Вернулся и сообщил об этом отцу и матери:

– Видел я в Тимнафе среди филистимских девушек одну, возьмите мне ее в жены.

Напрасно говорили ему отец и мать:

– Разве нет для тебя подходящей жены между дочерьми братьев твоих во всем народе нашем, что идешь ты искать жену среди иноплеменников филистимлян?

Но Самсон ответил отцу:

– Ее возьми мне, потому что она мне понравилась...

И пошел Самсон с отцом своим и матерью в Тимнафу, дошли до тимнафских виноградников, и вдруг идет ему навстречу молодой рыкающий лев. И сошел на Самсона дух Яхве, и растерзал он голыми руками льва, как козленка. Но не сказал он отцу и матери, что произошло. Пошел он дальше, поговорил с девушкой, и понравилась она ему. Спустя несколько дней опять пошел он, чтобы взять ее в жены, и свернул с дороги посмотреть на мертвого льва, и нашел в трупе льва рой пчел и мед. Набрал он меду и пошел дальше, по дороге ел его, пришел к отцу и матери и им дал меду, ели и они, но не сказал он им, что взял мед сей из трупа льва.

Пошел его отец тогда к девушке, и устроил Самсон пир, как и подобает жениху. Тридцать филистимских брачных друзей пировали с ним, и сказал им Самсон:

– Загадаю я вам загадку, и если отгадаете вы мне ее за семь дней пира, то дам я вам тридцать полотняных рубах и тридцать перемен одежд. Но если не сможете отгадать, то тогда вы мне дайте тридцать полотняных рубах и тридцать перемен одежд.

Сказали филистимские юноши:

– Загадай загадку твою, послушаем.

Тогда сказал Самсон:

– Из съедающего вышло съедомое, из сильного вышло сладкое.

Напрасно ломали себе головы филистимские юноши целых три дня, не смогли они отгадать загадку. На седьмой день сказали они жене Самсона:

– Уговори мужа твоего, чтобы разгадал нам загадку, иначе сождем огнем тебя и дом отца твоего. Разве затем нас сюда позвали, чтобы обобратить нас?

В слезах уговаривала Самсона жена:

– Ненавидишь ты меня и не любишь, загадал загадку сынам народа моего, а мне не раскроешь ее.

Самсон ей ответил:

– Отцу и матери не раскрыл, и тебе ли раскрою?

В слезах уговаривала его жена, пока продолжался пир, до тех пор выпрашивала, что наконец, на седьмой день, сообщил он ей разгадку. А жена сообщила ее сынам народа своего. Так в седьмой день, еще не село солнце, сказали граждане города Самсону:

– Что слаще меда и что сильнее льва?

– Если бы вы не пахали на моей телке, то не отгадали бы мою загадку! – сказал им Самсон. И сошел на него дух Господень, пошел он в Аскалон, убил там тридцать человек, снял с них одежду и отдал тем, кто разгадал загадку. Затем в гневе покинул их и вернулся в дом своего отца. А жена Самсона вышла за брачного друга, что был на пиру.

Через несколько дней, во время жатвы пшеницы, вспомнил Самсон о своей жене, принес ей в подарок козленка и говорит:

– Я войду к жене моей в спальню!

Но отец ее не разрешил ему войти и сказал:

– Я думал, что ты возненавидел ее, и поэтому отдал ее другу твоему. Но вот ее младшая сестра, еще красивее, чем она, бери ее вместо нее.

Говорит тогда Самсон:

– Теперь я буду прав перед филистимлянами, если сделаю им зло.

Пошел Самсон, поймал триста лисиц и связал их хвост с хвостом и привязал по факелу между двумя хвостами и зажег и погнал лисиц на нивы филистимлян. Так сжег он и копны, и несжатый хлеб, и виноградные сады и оливковые. Спросили филистимляне:

– Кто это сделал?

И сказали:

– Самсон, зять человека из Тимнафы, потому что тесть взял у него жену и отдал ее другу его.

Пошли филистимляне и сожгли и женщину, и дом ее отца. А Самсон им сказал:

– Хоть вы и сделали это, но я не успокоюсь, пока вам не отомщу.

И перебил он им голени и бедра, и пошел и засел в ущелье Етама.

Поднялись все филистимляне, расположились станом в Иудее и растянулись до Лехи. Спросили их жители Иудеи:

– Зачем вышли вы против нас?

Филистимляне им ответили:

– Мы пришли связать Самсона, чтобы поступить с ним так, как он поступил с нами.

Пошли тогда три тысячи человек из Иудеи к ущелью скалы Етама и сказали Самсону:

– Разве ты не знаешь, что филистимляне господствуют над нами? Что ты сделал с нами!

Он сказал им:

– Как филистимляне меня оскорбили, так и я их оскорбил.

Сказали ему иудеи:

– Мы пришли затем, чтобы связать тебя и отдать в руки филистимлян.

Самсон на это ответил:

– Поклянитесь, что не убьете меня.

– Нет, – сказали те, – мы только свяжем тебя и отдадим в руки их, а не умертвим.

Самсон позволил себя связать двумя новыми веревками, а затем его вывели из ущелья.

Когда подошел он к Лехе, филистимляне с криком встретили его. Тогда сошел на него дух Яхве, и веревки, бывшие на руках его, сделались как перегоревший лен и упали с рук его. Нашел он ослиную челюсть, поднял ее и одним взмахом убил тысячу человек...

После этого почувствовал он сильную жажду, и воззвал он к Господу, и сказал:

– Ты соделал рукою раба твоего великое спасение сие, а теперь умру я от жажды и попаду в руки филистимлян.

Тогда сотворил Бог в Лехе источник, и потекла из него вода, напился Самсон, и вернулась к нему бодрость... И в течение двадцати лет был он судьей Израиля во дни филистимлян.

Пришел однажды Самсон в Газу и вошел к одной женщине. И сказали жителям Газы: «Самсон пришел сюда!» После чего собрались они и подкарауливали его у городских ворот всю ночь. Оставались они там всю ночь, говоря: «До света утреннего подождем и убьем его». А Самсон спал до полуночи, а в полночь встал, схватил двери от городских ворот с обоими косяками и вырвал их вместе с запором, положил их на плечи свои и отнес их на вершину горы, которая на пути к Хеврону.

Случилось затем, что полюбил он одну женщину в долине Сорек. Звали ее Далилой.

Пришли к той женщине правители филистимлян и сказали ей:

– Прельсти его и выведай, в чем таится его великая сила и как нам одолеть его, чтобы связать и усмирить его. А мы бы дали тебе каждый по тысяче сто сиклей серебра.

Спросила у Самсона Далила:

– Скажи мне, в чем великая сила твоя и чем можно было бы тебя связать и усмирить?

Ответил ей Самсон:

– Если связать меня семью сырыми тетивами, которые еще не засушены, то ослабею и стану таким, как прочие люди.

Тогда принесли женщине правители филистимлян семь сырых тетив, которые еще не засохли, и женщина связала его ими. Между тем один скрытно сидел у ней в спальне, и женщина закричала:

– Самсон! На тебя идут филистимляне!

Но разорвал Самсон тетиву, как рвут нитку из пакли, когда пережжет ее огонь, и не открылась его сила. Сказала тогда Далила Самсону:

– Ты обманул меня и говорил мне ложь, но теперь скажи мне правду, чем можно тебя связать?

Сказал ей Самсон:

– Если свяжут меня новыми веревками, которые еще не были в деле, то я сделаюсь бессилен и буду как прочие люди.

Теперь принесла ему Далила новые веревки и связала ими его, после чего сказала ему:

– Самсон! На тебя идут филистимляне!

И теперь некто сидел в засаде в ее спальне, но Самсон сорвал со своих рук веревки, словно нити.

Третий раз сказала Далила Самсону:

– До сих пор ты обманывал меня и лгал, теперь скажи же мне правду, чем бы связать тебя!

– Если ты семь прядей моих волос воткнешь в ткань и прикрепишь ее к ткацкому стану, – ответил ей Самсон.

Так и сделала женщина и даже укрепила ткань гвоздем к стану и сказала ему:

– На тебя идут филистимляне, Самсон!

Пробудился ото сна Самсон и выдернул ткань вместе со станом.

Сказала ему Далила:

– Хоть ты и говоришь, что ты любишь меня, но сердце твое не со мною, ведь трижды ты обманывал меня и не сказал мне, в чем же великая сила твоя.

И смущала его своими словами день за днем, уговаривала так, что душе его стало тяжело до смерти. Тогда открыл Самсон перед женщиной все свое сердце и сказал ей:

– Бритва не касалась головы моей, ибо с рождения я назорей Божий. Если же остричь меня, то уйдет от меня моя сила и сделаюсь я слаб и буду как прочие люди.

Увидела Далила, что теперь он все сердце открыл перед ней, и послала она весть филистимским правителям, говоря:

– Придите сегодня еще раз, ибо он полностью открыл свое сердце.

И пришли к ней правители филистимлян, и принесли серебро в руках своих. И женщина усыпила Самсона на своих коленях и призвала одного человека, и остригла семь прядей с его головы, и начал он ослабевать, и отступила от него сила его. Сказала тогда Далила:

– На тебя идут филистимляне, Самсон!

Проснулся ото сна Самсон и так сказал:

– Пойду, как и прежде, и освобожусь, – ибо он еще не знал, что Господь отступился от него.

Тогда схватили его филистимляне и выкололи ему глаза и отвели в Газу, заковали в цепи, и он молот в темнице.

С течением времени, однако, начали отрастать волосы, которые остригли ему. И вот правители филистимлян собрались, чтобы принести великую жертву Дагону, богу своему, и чтобы повеселиться, и сказали:

– Бог наш предал в наши руки врага нашего, Самсона!

Увидел это народ и восславил своего бога, говоря:

– Бог наш предал в наши руки врага нашего и опустошителя земли нашей, который побил многих из нас.

И когда развеселилось сердце их, сказали они:

– Позовите сюда Самсона, чтобы он всех нас позабавил!

И позвали Самсона из темницы, и смеялись над ним и поставили его между столбами. Сказал тогда Самсон отроку, который вел его за руку:

– Подведи меня, я нащупаю столбы, на которых утвержен дом, а затем прислонюсь к ним.

Дом был полон мужчин и женщин, были там все правители филистимлян, а на кровле дома было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона. И воззвал Самсон к Яхве, и сказал:

– Господи Боже мой, вспомни обо мне и укрепи меня только теперь, чтобы мне в один раз отомстить филистимлянам за глаза мои!

И обхватил Самсон два средних столба, на которых держался дом, один – правой рукой, другой – левой, и сказал:

– Пусть умру я вместе с филистимлянами.

И уперся всею силою на столбы, и обрушился дом на правителей филистимлян и на весь народ, который был в доме.

И мертвых, убитых Самсоном при его смерти, было больше, чем тех, кого он убил в течение жизни своей⁴.

---

⁴ Изложено по Библии, см.: Книга Судей израилевых, гл. 13–16.

Амиран *Грузинская сказка*

В одном густом дремучем лесу, где верхушки деревьев упирались в самое небо, стояла высокая, крутая скала. Недалеко от этого леса жил один охотник – Дарджелан. Он часто ходил в лес на охоту.

Однажды подошел охотник к этой скале, и послышалось ему, словно где-то женщина кричит. Посмотрел охотник на скалу, смотрит все выше и выше, да не увидать вершины – теряется она где-то высоко-высоко. Хочет взобраться охотник на скалу, но и это не удается – такая она крутая и неприступная. Вернулся охотник домой, а дома у него жена очень злая и вдобавок хромая. Сказал охотник жене, чтобы приготовили ему еды на завтра в дорогу, сам пошел к кузнецу и заказал ему побольше долот да молот железный.

К утру приготовили ему все, забрал он еды на день, взял у кузнеца долота, молот и отправился к той скале. Пришел и стал вбивать долота в скалу. Вбивает охотник в скалу долота железным молотом и поднимается по ним, как по ступеням. Кончились у него долота, истерся железный молот, и добрался охотник до самой вершины. Осмотрелся, видит: в скале вход выбит, словно двери. Вошел он туда, проник в пещеру, в пещере лежит Дали.

Лежит Дали – красавица неземной красоты, вокруг головы обвиты тяжелые золотые косы. Увидела Дали Дарджелана-охотника, и полюбили они друг друга с первого

взгляда. Остался охотник у Дали. Не хотела Дали оставлять его, но победила ее любовь и уступила она. Наутро стала просить Дали охотника вернуться домой, но не согласился он и остался с нею. Теперь Дали еще сильнее просит его вернуться домой.

– Иди, – говорит Дали, – твоя жена ведунья. Привыкла она, что ты каждый вечер домой возвращаешься, не дождется тебя, проведает про нас, пойдет по твоему следу, найдет и погубит нас.

– Нет, – сказал Дарджелан, – моя жена хромая, по дому еле ходит, где ей сюда добраться!

Жена Дарджелана и вправду очень дивилась, что ее муж домой не возвращается. Прождала она два дня, на третий день встала, взяла еды на дорогу и пошла по следам мужа. Привели ее следы к скале.

Вскарабкалась она по ступенькам на верхушку скалы и вошла в пещеру. Видит – крепко спят Дали и ее муж.

Отыскала жена охотника золотые ножницы Дали и обрезала ими ее золотые косы. Забрала с собой и ножницы и золотые косы и ушла. Проснулись Дали и Дарджелан. Приподняла Дали голову – что-то легкой она ей показалась. Провела рукой по волосам – нет ее золотых кос! Встала она, ищет ножницы – нет ножниц! Затосковала Дали, повернулась к охотнику и сказала:

– Ты причина моего несчастья; говорила я, что погубит нас твоя жена. Не жить мне больше на свете. Возьми нож, взрежь мне чрево – тяжела я – и достань моего ребенка. Будет дочь – назови ее как хочешь, а будет сын – назовешь его Амираном. Мой сын будет героем. Если бы дали ему дожить до срока во чреве матери, он бы и бога поборол; теперь же он будет слабее. Слушай и исполни все, что я скажу. Как достанешь из моего чрева сына, три месяца храни его в телячьей требухе, чтобы вылежался и выгрелся он так, как ему во чреве матери вылежаться не пришлось. Потом уложи его в колыбель, отнеси с колыбелью к реке Иамана и оставь на берегу. Там найдет его и окрестит тот, кому должно. Он расскажет сыну все, что ему нужно знать.

Не хочет охотник резать возлюбленную, тоскует, горюет. Настояла на своем Дали, и пришлось ему сделать все, что она велела. Дрожащими руками взрезал он живот Дали и достал ребенка, прекрасного, как солнце.

Все выполнил охотник по приказу Дали, потом отнес ребенка в колыбели к реке Иамана, оставил колыбель на берегу и вернулся домой.

Проходят путники по берегу реки Иамана, видят – лежит в колыбели ребенок, спрашивают:

– Кто твой отец и мать или кто тебя должен крестить?

– Отец и мать – не знаю кто, а крестить меня должен сам ангел, – отвечает ребенок.

Вот идет ангел, спросил и он ребенка. Ответил ему ребенок так же, как и всем. Трижды спросил ангел, и трижды ответил ему ребенок. Открылся ему ангел, окрестил его, назвал Амираном. Дал ему кинжал, велел спрятать в ноговицу и не доставать, если не придется очень тяжело; благословил Амирана, сказал ему, что на земле его никто не поборет, и оставил его.

Пришли за водой слуги Иамана, увидели Амирана в колыбели, стали смеяться над ним. Рассердился Амиран, встал, схватил насмешников, стукнул их лбами друг о друга, перебил им всю посуду и прогнал.

Пришли слуги домой без воды и с битой посудой, рассказали Иаману все, что с ними было. Рассердился Иаман, встал, пошел к реке, а как увидел ребенка в колыбели – обрадовался: «Будет товарищем моим Усиби и Бадри». Взял колыбель с ребенком и отнес домой.

И жена Иамана рада – будет мальчик качать ее Усиби и Бадри. Прошел день – ничего. На другой день вышла жена Иамана коров доить, уложила сыновей Усиби и Бадри в колыбель, Амирана посерединке усадила и велела ему укачивать детей, чтоб не плакали. «А не сделаешь все, как я велю, – горе тебе», – пригрозила она.

Только отошла мать, нашел Амиран шило и стал колоть то Усиби, то Бадри. Заревели дети. Разозлилась мать и крикнула Амирану:

– Смотри ходи за моими детьми как следует, не то вернусь – несдобровать тебе! Знай, я не только тебе, но и сыну Дали – Амирану не спущу!

Проворчал Амиран:

– Не знаете вы, а я-то и есть сын Дали – Амиран.

Услышала это жена Иамана, обрадовалась, бросила доить коров, подбежала к Амирану, обняла его и расцеловала, обмыла его молоком и обернула в самую тонкую и дорогую ткань.

С тех пор ходит жена Иамана за Амираном, как за своими детьми. Радуются Иаман и его жена, что у их сыновей такой славный товарищ растет.

Подросли все трое юношей, стали уже совсем героями, кого ни встретят – с востока или с запада, – со всеми вступают в борьбу, всех побеждают и обратно гонят.

Крикнули им однажды эти побитые люди:

– Что вы на нас силу свою показываете? Если вы такие молодцы, то узнайте, почему ваш отец Иаман слеп на один глаз, и расправьтесь с его обидчиком.

Как услышали это, побежали все трое к жене Иамана, стали просить ее:

– Расскажи, как Иаман глаз потерял.

Не говорит мать, скрывает правду, обманывает их:

– Болел Иаман оспой, тогда и потерял глаз. А больше, клянусь, ничего не было.

Дважды отвечала так мать, а в третий раз, чтобы выпытать у нее правду, придумали Амиран, Усиби и Бадри такую уловку. Вернулись они домой сердитые и велели ей выпечь им всем троим горячие хачапури. Только она засыпала хачапури углями, вытащили их Амиран и Усиби из огня, приложили к матери и говорят:

– Или скажешь правду про глаз Иамана, или всю грудь тебе сожжем.

Не выдержала жена Иамана и рассказала все, как было:

– С Иаманом давно враждовал один дэв, требовал с него оброк. Как родились Усиби и Бадри, пришел тот дэв и потребовал отдать ему одного из сыновей; а нет, так пусть Иаман отдаст ему свой правый глаз. Не смог Иаман расстаться с сыном, вырвал глаз и отдал дэву.

Как услышали это Амиран и сыновья Иамана, тотчас встали и собрались в путь – воевать с тем дэвом. Попросили они Иамана достать им лук и стрелы из чистого железа. Достал Иаман. Взяли лук, попробовали его – не выдержал лук руки Амирана и сломался. Взял тогда Амиран тридцать фунтов железа, отнес кузнецу и сам заставил его выковать лук по своей руке.

Наутро все трое отправились воевать с дэвом. Шли, шли – увидели в поле одного дэва. У дэва чудесный яблоневоый сад, под яблонями и овечьи отары его пасутся. Завидел дэв юношей и крикнул им:

– А ну, если вы молодцы, сбейте с моих яблонь хоть одно яблоко или забросьте хоть одно яблоко на яблоню.

Усиби и Бадри долго старались – ни одного яблока не сбили. Пустил стрелу Амиран, все яблоки с одной стороны яблони сбил и на другую сторону этой же яблони забросил.

Еще сказал дэв:

– Если вы молодцы, то хоть одну овцу из моего стада с земли поднимите, а другую наземь положите.

Ничего не сумели Усиби и Бадри. Амиран сперва заставил подняться всех овец с земли, потом как ударит их оземь – чуть всех не перебил.

Рассердился дэв, забрал всех своих овец и Амирана с ними и загнал всех в дом. Дверь изнутри запер, Усиби и Бадри одних во дворе оставил. Сварил себе дэв на ужин четырех овец. Сам мясо ест, кости через спину сестре кидает, а сестра дэва в углу железной цепью прикована. Собрался дэв спать и говорит:

– Сегодня мне на ужин хватит, завтра Амираном позавтракаю. – Сказал и лег.

Заснул дэв, подошел Амиран к прикованной сестре дэва, попросил научить его, как с дэвом расправиться. Сказала сестра дэва:

– Моего брата ничем не убьешь, кроме как его мечом, который он в масле держит. Но меч так крепко держится в масле, что одному его не вытащить. Только есть у моего брата плетеный ремень, достань его, один конец к мечу привяжи, другой дай мне, потянем вдвоем – может, вытащим. Возьмешь в руки меч, подойдешь к брату, смотри не ударяй его, а только приложи меч к шее, меч сам голову снимет.

Попросила она Амирана поклясться Христом, что он не обманет ее и, когда убьет дэва, отпустит ее на волю. Поклялся Амиран, отыскал тот ремень, привязал к мечу, отдал другой конец сестре, потянули оба, вытащили меч. Как вытаскивали меч, загремел он с такой силой, что проснулся дэв, да только заснул опять.

Поднес Амиран меч к дэву, приложил к его шее, стал меч резать сам, и замахиваться не пришлось. Резал-резал меч, дошел до середины. Почувствовал что-то дэв, стал ворочаться, да уже поздно, совсем перерезал меч шею. Так разделался Амиран с дэвом. Попросила Амирана сестра дэва освободить ее, но нарушил клятву Амиран и убил ее.

После этого все дэвово добро осталось Амирану и его товарищам. Что с собой взяли – взяли, остальное там оставили и дальше в путь отправились.

Шли-шли, пришли в густой еловый лес. Видят – в лесу скала, на скале огромный дэв-гвелешапи стоит и шерсть сучит. Веретенном у дэва ствол ели, грузилом на веретене – мельничный жернов. Это и был тот дэв, который отнял глаз у Иамана.

Увидел дэв Амирана и его товарищей и крикнул:

– Эй, что там за мушки ползут? Поворачивайте сейчас же назад, не то и мясо ваше съем и кости ваши сгрызу.

Крикнул Амиран дэву:

– Ах ты мразь! Рано хвастаешь, подожди, не съел еще.

Рассердился дэв, бросил шерсть и спустился вниз. Долго они боролись и воевали. Амиран одну стрелу за себя пустит в дэва, две – за Усиби и Бадри. Утомились все. Подошел дэв к Амирану, раскрыл пасть и проглотил его. Проглотил и пошел домой. Усиби и Бадри там оста-

лись. Как входил дэв в ворота, догнал его Усиби, схватил за хвост и отрубил его. Вошел дэв в дом, только вошел, разболелся у него живот.

– Горе мне, мать, живот болит! – закричал дэв, подбежал к дверным столбам, трется о них животом, чтобы облегчить боль, да не удержаться на ногах без хвоста, все наземь грохается. Видит мать сына в этих муках, спрашивает его:

– Что с тобой, сынок, не съел ли чего сегодня?

– Ах, мать, три мушки попались мне сегодня, проглотил одну.

– Горе твоей матери, сынок, если ты Амирана, сына Дали, проглотил.

Усиби и Бадри стоят под окном дома, слышат все, что мать с сыном говорят. Крикнули они Амирану:

Амиран, Амиран,
В ноговице твой кинжал,
Обнажи его скорей —
Проучи ты гвелешапи.

Услышал это Амиран и подумал: «И вправду, тяжелей этого вряд ли когда придется!» Достал кинжал и давай колотить дэва в пах.

Заревел дэв:

– Ой, не убивай только, а хочешь – выплуну тебя, хочешь – выброшу.

Рассердился Амиран:

– Ах ты мразь, негодяй! Ни выплунутым тобою жить не хочу, ни выброшенным.

– Хорошо, – говорит дэв, – вынь мне два ребра и выходи через бок.

Вынул Амиран у дэва весь бок и вышел. Только один свой глаз там оставил.

– Вставь мне сейчас же глаз, не то живым не уйдешь! – кричит Амиран.

Сказал дэв:

– Отрежь кусочек печени, кусочек легкого, помажь глазницу – лучше прежнего глаз станет.

Отрезал Амиран побольше печени дэва, еще больше легкого, помазал глазницу, и стал его глаз цел и невредим. Просит дэв Амирана пришить ему бок обратно. Взял Амиран и заложил ему бок деревянной заслонкой⁵.

После этого потребовал Амиран у дэва отдать ему правый глаз Иамана. Не хочется дэву отдавать глаз, да не смеет отказать Амирану. Указал дэв на столб и сказал:

– Вот в этом столбе заложен ящик, в ящике – еще ящик, достань его, там лежит глаз Иамана.

Отыскал Амиран глаз и взял с собой. Дэва там бросили, сами домой вернулись. Пришли, вставили Иаману его глаз, отдохнули немного.

Захотелось Амирану пойти и повоевать еще с кем-нибудь. Попросил он Иамана задержать дома Усиби и Бадри: «Мешают только мне они в трудную минуту». Услышали Усиби и Бадри, затосковали, стали просить Амирана не оставлять их дома.

– Мы без тебя жить не хотим!

Что делать? Опять взял их с собой Амиран. Долго ходили они и увидели в одном поле трех дэвов. Крикнули им дэвы:

– Хорошими вы были бы молодцами, если бы кто из вас сумел добыть себе в жены светлую Кету, дочь Кеклуц-царя. Много юношей добивалось ее, да никто не добился.

Спросил Амиран, где живет Кеклуц-царь, где он дочь свою прячет.

---

⁵ Если бы у дэва не было деревянного бока, мир бы погиб. Когда бывает затмение, дэв (гвелешапи) глотает солнце, но оно прожигает деревянный бок дэва и опять выходит наружу.

Указали дэвы путь к царю и сказали:

– А дочь свою Кету он держит в башне, и башня цепями к небу подвешена.

Оставили они дэвов и пошли в страну Кеклуц-царя. Шли-шли, пришли к морю. Большое море, широкое, не пройти его. Увидели они там женщину-дэва. Спросил ее Амиран, как перейти через море. Сказала она, что через море нет пути, а если возьмут они ее в товарищи, то она поможет им. Поклялся Амиран Христом, что возьмет ее в товарищи.

Срезала она косу и проложила ее мостом через море. Прошли по мосту раньше Усиби и Бадри, потом Амиран. Последней стала переходить женщина-дэв. Но только она дошла до середины моря, хватил Амиран по косе своим мечом, перерубил ее, и упала женщина-дэв в море. Так Амиран во второй раз нарушил клятву Христом.

Долго шли побратимы сушей, повстречали в поле человека, которого звали Андреробом. Андрероб был так велик, что девять пар волов и девять пар быков едва тащили арбу, на которой он лежал. Андрероба живого хоронить везли, мертвого бы его до кладбища не дотащить, так бы и остался несхороненным. У Андрероба одна нога с арбы свесилась, волочится по земле и своей тяжестью, словно плуг, роет землю. Столько народу за ним шло, и никак они его ногу поднять и на арбу уложить не могли. Увидел это Амиран, зацепил своим луком ногу Андрероба и забросил ее на арбу.

Удивился Андрероб:

– Кто это имеет такую силу, что мою ногу так легко на арбу забросил?

Указали ему на Амирана. Протянул Андрероб руку Амирану. Испугался Амиран: «Сожмет он мою руку изо всей силы и изломает ее». Взял Амиран и подал Андреробу базальтовую глыбу. Сжал глыбу Андрероб, сок из нее выжал. Опять протянул Андрероб руку Амирану. Подал ему Амиран руку. Попросил Андрероб Амирана взять с собой его сына и не предавать его, как брата его любить. Обещал Амиран и Христом поклялся. Повезли Андрероба, куда везли, а сын его пошел с Амираном.

Долго они ходили. Захотелось спать Амирану, лег он и заснул. А пока он спал, сын Андрероба голыми руками поймал двух оленей и повесил их там же на дереве. Проснулся Амиран, увидел оленей и спросил, как их поймали. Узнал Амиран, как сын Андрероба их поймал, не понравилось ему это, подумал: «Еще ребенок, а уж что делает, вырастет – меня победит». Решил Амиран убить сына Андрероба. Как решил, так и сделал. Так в третий раз нарушил Амиран клятву Христом.

Бросили они убитого и пошли дальше – искать дочь царя Кеклуца.

Ходили долго и нашли наконец ту башню, где дочь Кеклуц-царя, Кету, жила. Сказал Амиран Усиби:

– Прыгни, попытайся, может, достанешь до цепи и перерубишь ее саблей.

Прыгнул Усиби – и не дотронулся даже до цепи. Прыгнул и Бадри, но также безуспешно. Прыгнул тогда Амиран и схватил цепь. Замахнулся своим кинжалом, разрубил цепь, и упала башня на землю. Вошли все трое в башню. С одного взгляда полюбили Амиран и Кету друг друга.

Узнал Кеклуц про то, собрал все свои войска и в три ряда окружил башню. Увидел Амиран войска, не понравилось ему это. Приказал он Усиби выйти воевать с войском.

Вышел Усиби, прорвал одну цепь и подошел к Кеклуц-царю. Дунул на него Кеклуц-царь – замертво упал Усиби.

Вышел вторым Бадри, прорвал другую цепь, но только подошел к Кеклуц-царю, дунул на него Кеклуц и свалил его замертво.

Рассердился Амиран, решил сам выйти воевать с Кеклуц-царем.

Сказала Амирану Кету:

– У моего отца на голове стоит жернов, жернов привязан сзади к шее золотой цепью. Пойдешь к нему – постарайся перерезать эту цепь; потянет жернов голову отца вперед, обнажится шея, тогда кинжалом и руби голову. Если не так – не убить тебе моего отца.

Запомнил все Амиран, вышел к войскам, перебил всех, кто еще после Усиби и Бадри в живых остался, подошел к Кеклуц-царю. Дунул на него Кеклуц-царь, упал Амиран на одно колено. Размахнулся Амиран своим кинжалом и перерезал золотую цепь на шее Кеклуца. Потянул жернов голову Кеклуца вперед, обнажилась у него шея, вскочил Амиран, взмахнул кинжалом и отрубил Кеклуцу голову.

Вошел Амиран в башню к Кету и стал горевать, что Усиби и Бадри погибли.

– Не вернусь я домой без них. Что я скажу старикам родителям, когда ни одного сына не приведу?

Спросила Кету:

– Узнаешь ли ты их среди перебитого войска?

– Узнаю, – сказал Амиран, – у Усиби на камне в кольце знак солнца помечен, а у Бадри – знак луны.

Вышли Амиран и Кету к мертвым, стали искать среди них Усиби и Бадри. Отыскали, достала Кету свой платок, провела по лицам Усиби и Бадри и оживила их.

Радуетя Амиран, что достал себе в жены Кету и что Усиби и Бадри живыми домой везет. Взяли они с собой все добро царя Кеклуца и поехали домой. Пришли к Иаману. Обрадовался Иаман, что и Амиран, и его сыновья вернулись домой победителями. Только сказал Амиран Иаману, что уже больше никогда не возьмет с собой Усиби и Бадри, потому что не могут они быть такими же героями, как он.

После этого Амиран один ходил на геройские подвиги. Не было на свете никого, кто бы мог выдержать бой с ним – всех врагов победил и истребил Амиран. Остались на всей земле только три дэва, три кабана и три дуба. Даже с Богом воевал Амиран, три раза нарушил клятву Христом и многое другое совершил⁶.

Амиран борется с драконами, с дэвами, злыми духами. Героическая борьба Амирана вдохновлена чувством любви к людям.

Однажды, рассматривая хлеб, которым питались люди, Амиран сжимает его. Из хлеба начинает сочиться кровь. Амирана удручает, что хлеб, который едят люди, пропитан каплями крови. Он хочет, чтобы у людей был чистый, бескровный хлеб.

Великий герой-человеколюбец Амиран вступает в борьбу с Богом, но его ожидает кара. Бог приковывает Амирана цепями в одной из пещер Кавказского хребта.

Вместе с Амираном в пещере находится верный ему крылатый Гошия, черный пес, созданный из орла. Рядом с Амираном валяется его меч «города», но Амиран не может дотянуться до меча, чтобы разрубить им оковы.

Целый год Гошия непрерывно лижет железную цепь, и она становится тоньше. Целый год Амиран расшатывает кол, которым цепь прикреплена к земле. И вот кол уже готов выскокить. Близится час освобождения героя. Но к концу года прилетает птица, клюющая сердце прикованного героя. Слуги Бога, кузнецы, трижды ударяют молотом о наковальню, и тонкая цепь вновь восстанавливается в первоначальном виде, а кол снова глубоко уходит в землю. Так продолжается каждый год⁷.

Если Амиран когда-нибудь освободится, тогда начнется золотой век⁸.

---

⁶ Грузинские народные сказки: Сб./Сост. и перевод Н.И. Долидзе; Под ред. проф. М.Я. Чиковани. Тбилиси, 1956. С. 173–180.

⁷ Поэзия Грузии/Под ред. В. Гольцева и С. Чиковани. М. – Л., 1949. С. 8.

⁸ A. *Durr*. *Kaukasische Marchen*. Jena, 1920. S. 241.

Кузнец Велунд *Горшанский миф*

Однажды три сына финского царя – известные охотники и лыжники Слагфидр, Эгилл и Велунд – пришли в Волчью долину и выстроили здесь себе дом. Тут они встретили трех валькирий. Валькирии принадлежали к свите верховного бога Одина, владыки войны. Для них не существовало тайн, они пряли на своих пряхках военное счастье, они же приводили героев во дворец богов, в жилище избранных (Валгаллу).

Три валькирии, Хладгудр, Хервер и Эльрун, летели к Черному лесу с юга. Жажда борьбы гнала их. Но в Волчьей долине они решили отдохнуть, сняли свои лебединые одежды на берегу Волчьего озера, положили их рядом с собой и, усевшись здесь, стали прясть нить судьбы. Тогда-то и увидели их три царевича, а так как валькирии сняли свои лебединые одежды, то не смогли сразу же подняться и улететь. Поэтому царевичи легко захватили девушек-лебедей и привели их в свой дом, построенный в Волчьей долине. Эгиллу досталась Эльрун, Слагфидру – Хладгудр, женой же Велунда стала Хервер.

В любви и счастье прожили они семь лет, а на восьмой год девушек-лебедей охватила тоска по Черному лесу и по шуму битв. На девятый же год, воспользовавшись тем, что три царевича отправились на охоту, девушки-лебеди вышли из дому и направились к Черному лесу. Стоя в снях, Хервер напоследок прощалась с опустевшим домом, тихо шепча:

– Того, кто придет из леса, здесь встретит грусть. – И с этими словами она улетела.

Усталые возвратились из лесу три охотника и нашли пустой дом. Они стали искать девушек-лебедей, но нигде их не нашли. Наконец Эгилл отправился на восток, чтобы разыскать Эльрун, Слагфидр пошел на запад искать Хладгудр, а Велунд остался один в Волчьей долине. Сидя в одиночестве и ожидая возвращения своей прекрасной возлюбленной Хервер, он занялся тем, что стал вставлять драгоценные камни в тонкую золотую оправу из колец и кольца нанизывал на нити.

Узнал Нидхудр, царь свеев, что Велунд остался один в Волчьей долине, и выслал против него войско. Щиты блестели при лунном свете, блестела чешуя на панцирях воинов, приближавшихся под прикрытием ночи. Сошли воины с седел и ворвались в дом. Увидели они кольца Велунда: было их нанизано на нить семьсот штук. Посмотрели они на кольца и ушли, взяв с собой только одно кольцо.

Усталый вернулся Велунд с охоты, принес убитую им медведицу и разложил огонь, чтобы зажарить мясо. Затем сел он на медвежью шкуру, пересчитал кольца и заметил, что одного кольца не хватает. Ему пришло в голову, что возвратилась домой прекрасная Хервер и взяла это недостающее кольцо. Ждал он, ждал, когда она придет к нему, и в этом счастливом ожидании уснул.

Когда же он проснулся, то почувствовал, что проснулся не для счастливой любви, так как его руки и ноги оказались скованными тяжелыми цепями.

– Какие это разбойники осмелились заковать в цепи владельца золотых колец? – спросил он, оглядевшись. И тут увидел царя Нидхудра, владыку ниаров. Вслед за тем, как его воины разведали место, где находился дом Велунда, он сам пришел за ним. Теперь он стоял перед Велундом и говорил ему со злорадством:

– Ну как? Ты пришел в Волчью долину за нашим золотом?

Но ответил ему Велунд:

– Не брал я твоего золота, и страна твоя далеко от скал Рейна. Были у нас сокровища дороже, когда жили мы мирно в нашем доме!

Повел с собой Нидхудр закованного Велунда, считая его своим пленником. Меч его царь свеев также взял с собой. Узнал свой меч Велунд, узнал он и кольцо на пальце дочери Нидхудра

Бедвидры, ей отдал царь то кольцо, которое его воины принесли из дома Велунда. И сказала королева, когда Велунд прибыл во дворец Нидхудра:

– Взгляните, рот его покрылся пеной, а глаза засверкали от ярости, когда он увидел меч и заметил кольцо на пальце у Бедвидры! Перерубите ему жилы в коленях и отвезите на остров посреди озера!

Так и сделали. Перерезали Велунду жилы в коленях и отвезли на остров, где он должен был работать на царя в кузнечной мастерской. Делал он для царя различные ценные вещи, но никто не смел заходить к нему в кузницу, кроме царя Нидхудра. И переполнила скорбь кузнеца Велунда.

– На боку у Нидхудра красуется меч, который я сам выковал. Отобрал он у меня меч, и никогда более не вернется меч ко мне! А Бедвидра носит на своем пальце то кольцо, которое я изготовил для моей возлюбленной, и я не могу надеяться на возмездие.

Не шел к нему сон, с изуродованными ногами сидел он около наковальни и работал молотом; но пришло время, и он смог поднять молот для мести.

Два сына было у царя Нидхудра. Как-то раз любопытство привело обоих детей в кузницу. Нашли они ключ, открыли сундук и, заглянув туда, увидели в нем множество драгоценностей. Сказал им кузнец Велунд:

– Приходите завтра утром рано, одни, но не говорите никому в отцовском доме, ни слугам, ни служанкам о том, что идете ко мне, а я вам изготовлю подарок из чистого золота.

Рано утром сказал один мальчик другому:

– Идем, брат, посмотрим скорее кольца! – И побежали они в кузницу, нашли ключ и с любопытством заглянули в сундук. Велунд воспользовался этим моментом и отрубил им головы, а тела их спрятал под раскаленными щипцами. Маленькие же черепа детей он отделал серебряной оправой, как кубки, и послал Нидхудру, а их прекрасные глаза в качестве драгоценных камней подарил злой жене Нидхудра, из белых же зубов он сделал ожерелье для дочери царя Бедвидры.

Тем временем Бедвидра хвасталась своим кольцом. Кольцо однажды сломалось, и она отнесла его Велунду.

– Только тебе я осмелилась показать его, – сказала она и попросила исправить кольцо.

– Я запаяю его золотом, – ответил с готовностью Велунд, – так что твои отец и мать найдут его еще более красивым.

Он льстиво предложил ей напиток и дал ей волшебного напитка, который усыпил ее. Девушка, сидя в кресле, погрузилась в глубокий сон. Теперь сказал Велунд удовлетворенно:

– Итак, я отомстил за все горести, которые они причинили мне. Одно еще остается. Нельзя мне здесь медлить вечно, хоть и сделали меня хромым люди Нидхудра. – И, захохотав, он поднялся в воздух.

Когда Бедвидра проснулась, то увидела, что Велунд летает в вышине. В слезах вернулась она домой с острова, спасаясь от гнева своего отца.

Нидхудр был уже дома и отдыхал на своем ложе в спальне. Заглянула к нему его злая жена и, войдя, сказала:

– Бодрствует ли Нидхудр, владыка ниаров?

Ответил Нидхудр:

– Я всегда бодрствую, а если и отдыхаю, то душа бодрствует. Смерть двух моих сынков переполнила меня скорбью, мрачные мысли бродят в моей голове. Я должен заставить кузнеца Велунда признаться.

И он пошел в кузницу на остров.

– Мастер среди мастеров, ответь мне, куда девались мои дети? – спросил он Велунда, кузнеца, который в это время уже парил высоко в воздухе.

– Поклянись мне прежде всего, – ответил ему Велунд с высоты, – поклянись острием меча, бортом корабля, краем щита и спиной коня, что ты пощадишь и не убьешь жену кузнеца Велунда. Ибо знай, что твоя дочь стала моей и мой ребенок будет рожден в твоём царском дворце. А затем осмотри кузницу, которую ты мне подарил. Ты увидишь капли крови на кузнечных мехах. Здесь я отрубил головы твоим детям и спрятал их тела под раскаленными щипцами. Их черепа я оправил серебром и послал царю Нидхудру вместо кубков, а их блестящие глаза я подарил в качестве драгоценных камней злой жене Нидхудра, а из их белых зубов я изготовил ожерелье для Бедвидры, и Бедвидра, дочь царя и царицы, носит моего ребенка у себя под сердцем.

Посмотрел Нидхудр в вышину, откуда доносился голос, и сказал:

– Более горьких слов ты не мог бы мне сказать! Если бы я мог тебя связать, я бы связал тебя так сильно, как никогда! Но кто так высок, чтобы дотянуться до тебя хотя бы со спины лошади? Кто так метко стреляет, чтобы поразить тебя стрелой, когда ты уже летаешь среди туч?

Хохоча, все выше поднимался в воздухе Велунд, а царь печально смотрел ему вслед.

Возвратился домой Нидхудр и послал своего самого верного воина Танкрадра за Бедвидрой, своей прекраснوبرовой, нарядно одетой дочерью. Пришла его дочь, и Нидхудр с гневом спросил ее:

– Правду ли говорят, Бедвидра, о тебе, что ты была на острове у Велунда?

– Правда то, что говорят, – ответила печально Бедвидра. – Я была у Велунда, сидела у него на острове. О этот горький час, хоть бы не было его никогда! Я не владела собой, моя воля оставила меня, и я не могла воспротивиться ему!..⁹

Липпо и Тапио **Финская сказка**

Липпо, знаменитый охотник, отправился со своими двумя товарищами на охоту. Целый день бродили они по лесу, но не попалось им никакой добычи. В лесу застала их ночь, они расположились в лесной избушке на отдых, а на следующий день утром снова надели лыжи и двинулись дальше по белому снегу. Но теперь уже Липпо нетерпеливо налегал на лыжи.

– Сегодняшний день принесет добычу: на одну мою лыжу – одного зверя, на другую – другого, а третьего – на мою добрую палку.

Едва они выступили в путь, как заметили на снегу три ряда оленьих следов. Шли, шли они по следам и увидели трех северных оленей, двух – совсем близко друг от друга, а третьего подальше, на расстоянии одного броска камнем. Тогда сказал Липпо своим двум товарищам:

– Вы вдвоем идите за этими двумя оленями, они и будут вашей добычей, а я пушусь за третьим, одиноким оленем.

И он побежал, и бежал на лыжах по белому снегу целый день, товарищи его остались далеко позади, и снова наступил вечер, а он не достиг оленя, хоть и был самым быстроногим охотником в том краю.

Посреди леса был хутор, олень и прибежал туда прямо в стойло, а Липпо напрасно спешил следом за ним. Во дворе стоял хозяин дома, почтенный старец, у которого борода из зеленого мха доходила до колен. Сильной рукой он схватил Липпо:

– Ха-ха! Куда ты? Посмотрим, что за человек загнал моего скакуна и вогнал его в пот?

Липпо с уважением поклонился старцу и сказал:

– Я с утра гоню его, но не смог поймать, потому я и попал на твой двор.

Старец, который был самим Тапио, старым Лесом, сказал в ответ на это:

– Ну, если ты с утра до вечера гнал моего скакуна, то ночью отдохни в моем доме.

---

⁹ *Die Edda. Gotterlieder und Heldenlieder. Aus dem Altnordischen von Hans von Wolzogen. Leipzig, e. n. S. 216–222.*

Липпо вошел в дом Тапио и с удивлением огляделся вокруг. Эта была какая-то странная комната. В одном ее углу находились олени и лани, в другом – медведи, лисы и волки. Тапио радушно накормил его прекрасным ужином, а когда на утро следующего дня Липпо хотел двинуться дальше, Тапио не отпустил его. Липпо ушел бы, но Тапио спрягал его лыжи. Когда же Липпо спросил о них, он услышал в ответ:

– Не хочешь ли ты остаться у меня? Я отдам тебе в жены мою единственную дочь.

– Я бы остался у тебя с радостью, – ответил Липпо, – но ведь я бедный человек, как ты отдашь за меня свою дочь?

– Это уж моя забота, – проворчал Тапио. – Бедность – не грех, и у нас ты найдешь все, что тебе будет угодно.

И, как сказал, отдал свою дочь за Липпо. Так и остался знаменитый охотник, быстроногий Липпо зятем Тапио в лесном доме.

Через три года у Липпо и дочери Тапио родился сын. Тапио обрадовался маленькому внуку, но Липпо уже скучал по своему дому и лишь уговаривал Тапио, чтобы тот отпустил их. И наконец Тапио сказал:

– Если ты сделаешь мне такие лыжи, какие я хочу, то я отпущу тебя.

Поспешил Липпо к деревьям, начал вырезать из них лыжи. Над головой его, сидя на ветке, пела маленькая синица:

Я маленькая синица,
Ти-ти, посмотри сюда.
Туда, где место для ноги,
Воткни острую ветку.

Липпо бросил в птицу полено.

– О чем ты свистишь, маленькая глупышка? Не у тебя ли мне поучиться!

И он приготовил лыжи, обстругал их, разукрасил, как мог, и принес Тапио. Тот хорошенько осмотрел их, немного испробовал, а затем одну за другой возвратил обе лыжи Липпо:

– Это не то, чего мне хочется.

Что было делать Липпо? Он снова пришел на следующий день к деревьям, чтобы выстругать лыжи. А маленькая синица снова запела:

Я маленькая синица,
Ти-ти, посмотри сюда.
Туда, где место для ноги,
Воткни острую ветку.

– Опять ты здесь! – закричал гневно Липпо и снова бросил поленом в птичку.

Ему и в голову не приходило послушаться совета маленькой синицы. Он приготовил по-своему лыжи и принес их Тапио.

– Это не то, чего я хочу, – затряс огромной зеленой бородой Тапио.

И на третий день снова пошел Липпо, и маленькая птица снова запела свою песенку:

Я маленькая синица,
Ти-ти, посмотри сюда.
Туда, где место для ноги,
Воткни острую ветку.

Теперь Липпо подумал про себя другое: «Хорошо же, я сделаю так, как ты говоришь, ведь не без причины твердишь ты одно и то же». И он последовал совету маленькой синицы.

– Это подходит! – сказал Тапио, увидев новые лыжи. – Теперь я тебя отпускаю, вы можете спокойно возвращаться домой.

Липпо с женой и маленьким сыном собрались в путь. Тапио также надел новые лыжи, чтобы довести Липпо до дому, и сказал:

– Идите только по моему следу, а где я палкой выкопаю яму в снегу, там всегда останавливайтесь на ночлег. Но смотрите каждый вечер делайте себе хижину из густых сосновых веток, чтобы вас не увидели звезды.

И Тапио уже заскользил по белому снегу, а Липпо пошел по его следу, взяв за руку жену и таща за собой в санках маленького сына. Только теперь понял Липпо синицу! Лыжи Тапио с воткнутыми в них ветками прокладывали глубокую борозду в снегу и обозначали следы ног старца так, чтобы Липпо не потерял пути.

К вечеру Липпо увидел маленькую яму там, где перед ними прошел Тапио: старец выкопал ее палкой в снегу. Рядом лежал целый зажаренный олень, которого хватило на ужин Липпо, его жене и маленькому сыну. Из густых сосновых ветвей они сделали хижину и остались здесь на ночлег.

На следующий день они продолжали свой путь, захватив с собой в дорогу остатки жареного оленя. К вечеру они снова увидели в снегу след от палки Тапио, и снова рядом лежал зажаренный олень. Опять они сделали хижину из сосновых ветвей и остановились на ночлег.

На третий день утром они снова двинулись в путь, всюду следуя за Тапио, пока к вечеру в третий раз не заметили след палки Тапио в снегу. Теперь рядом лежал им на ужин зажаренный глухарь.

– Но теперь уже недалеко до дома, – воскликнул радостно Липпо, – потому что сегодня старец приготовил нам всего одного глухаря!

И они соорудили себе хижину менее плотную. И звезды заглянули сквозь ветви и увидели Липпо и его спящую семью.

Когда Липпо проснулся на следующее утро, он нигде не нашел своей жены.

Липпо вышел из хижины, взглянул направо, затем налево, но уже больше не увидел следов Тапио. А без них Липпо не знал, куда ему идти. Ему не оставалось больше ничего другого, как только сесть с маленьким сыном перед избушкой и ждать удачи. Вот рядом с ними пробежал стройный олень, заревел и промчался дальше.

Ничего другого не появилось в окрестностях, а между тем уже наступил вечер. Здесь он должен был снова провести ночь. Наутро опять у входа лежал глухарь, опять поблизости от них пробежал и проревел олень.

Так много лет провел он в маленькой хижине, сделанной из сосновых ветвей. И каждый день перед входом лежал жареный глухарь, каждый день вблизи от них пробежал олень.

Здесь вырос его сын, ставший за эти годы умным, красивым парнем.

Однажды он попросил у отца длинный стебель камыша, чтобы сквозь него осмотреть окрестности и определить, далеко ли они находятся от дома. Липпо приготовил стебель камыша и дал его сыну. Едва тот взглянул сквозь него, как сразу же воскликнул:

– Наш дом недалеко отсюда, мы находимся около нашей земли!

И действительно, едва они вышли из хижины и прошли вперед один или два шага, как тотчас же оказались дома.

Сын Липпо впоследствии стал родоначальником лопарей (лапландцев)¹⁰.

---

¹⁰ *Hunfalvy Pal.* Finn olvasmanyok. Pest, 1861. S. 230–234.

Чудесный олень *Венгерское сказание*

Менрот, гигант, после вавилонского смешения языков поселился на земле Эвилат. Там у жены его Энех родились два сына – Хунор и Мадьяр. Однако у гиганта Менрота, кроме Энех, были другие жены и, кроме Хунора и Мадьяра, было еще много сыновей и дочерей. Эти сыновья и их потомки живут в Персии, лицом и фигурой они похожи на гуннов и лишь немного отличаются от них речью. Так как Хунор и Мадьяр были первенцами Менрота, то они жили отдельно от своего отца, в собственных шатрах.

Однажды они отправились на охоту и в пустынной местности увидели лань. Хунор и Мадьяр погнались за ней, но лань убежала. После того как она исчезла в меотидских болотах, они долго искали ее там, но найти не могли. Обходя в поисках лани меотидские болота, братья увидели, что этот край пригоден для пастбищ. Тогда они пришли домой к отцу и с его разрешения снова возвратились на меотидские болота со всем своим имуществом, чтобы поселиться здесь.

Этот край, если не считать одной узкой переправы вброд, со всех сторон окружен морем. И хотя там нет рек, он изобилует травой и деревьями, птицей, рыбой и различной дичью. Нелегко проникнуть туда и выйти оттуда. Хунор и Мадьяр, поселившись здесь, в течение пяти лет никуда не двигались с болот.

На шестой год они отправились оттуда побродить. В степи они нашли в шатрах на кочевье жен и сыновей Белара с их домочадцами. Самих мужей там в это время не было. Братья внезапно налетели на женщин и погнали их, захватив также их имущество, к меотидским болотам. Случилось так, что в числе рабынь они захватили двух дочерей аланского царя Дулы. Одну из них взял себе в жены Хунор, другую – Мадьяр. От этих-то женщин и произошли все гунны, то есть венгры.

В течение долгого времени гунны жили среди болот. Постепенно они размножились и стали многочисленным народом, так что этот край уже не мог ни вмещать их, ни кормить. Они послали своих разведчиков в Скифию и после того, как разведали эту страну, переселились туда со своими рабами и стадами на постоянное жительство¹¹.

Чингис *Казахское сказание*

Жил некогда хан по имени Алтын-Бел. Был у него единственный сын, которого звали Кайшилы-ханом. Других детей у него не было. Потом родилась у него дочь. Была она прекрасна, как луна, и ослепительна, как солнце. Ее собственная мать потеряла сознание, увидав новорожденную, столь ослепляющая была ее красота. Когда сообщили об этом хану, тот сказал:

– Не показывайте дочь людям. Чтобы никогда не узрел ее человеческий глаз, кормите и воспитывайте ее в подземном тайнике.

Позвала тогда жена хана одну старую женщину, стала платить ей по сотне дилл в год и поручила ей свое дитя. Старуха унесла его в мрачный железный дом и там воспитала.

Со временем дитя превратилось в прелестную девушку.

Однажды девушка спросила старуху:

– Куда ты постоянно ходишь?

Старуха ответила:

---

¹¹ Из хроники Симона Кезаи.

– Дитя мое, ведь, кроме нашего дома, существует солнечный мир, и в этом солнечном мире живут твои отец и мать, а также множество других людей. Туда я и хожу обычно.

– О матушка, я не скажу никому, только покажи мне этот солнечный мир.

Старуха согласилась:

– Хорошо, если ты никому не скажешь, я покажу тебе его. – И с этими словами она вывела девушку.

Выйдя из дому и увидев солнечный мир, девушка почувствовала головокружение и потеряла сознание. В тот момент, когда девушка вышла в солнечный мир, на нее упал взор бога, и по велению бога девушка стала беременной. Со страхом заметила старая женщина, что девушка носит под сердцем ребенка. Она испугалась, что ее накажут смертью. А потом она подумала:

– И жизнь у меня одна, и смерть одна, расскажу я обо всем жене владыки.

Так она и сделала, пришла и сказала жене хана:

– Дочь ваша беременна, но я не показывала ее никому. Если вы меня за это убьете, то пусть прольется моя кровь, если же оставите мне жизнь, то это будет моим счастьем.

Спросила ее жена хана:

– Однако что-нибудь другое ты делала с моей дочерью?

– Я не скрываю того, что я делала, – ответила старуха. – Единственное преступление, которое я совершила, состоит в том, что я вывела ее под открытое небо. И с того дня она носит плод под своим сердцем.

– Если никакое другое преступление не тяготит твою совесть, то я беру на себя ответственность перед владыкой, – сказала жена хана и пошла к нему.

– Твоя дочь по воле бога стала беременной, – сказала хану жена. – Взор человека не касался ее.

– Если это так, – сказал хан, – то она должна умереть.

Но женщина взмолилась:

– Пойдет дурная слава, когда начнут говорить, что владыка убил собственную дочь.

Хан ответил на это:

– Пусть будет, как ты хочешь, только уйди с глаз моих.

Совесть не позволила жене хана убить свою дочь. Поэтому она заперла ее в золотой сундук, положила рядом с ней достаточно еды и питья, закрыла крышку, привязала снаружи ключ и пустила сундук по морским волнам.

Принесли морские волны золотой сундук в одну страну, где как раз охотились Домдагул Сокур и Токтагул Мерген. Увидали они посреди моря плавающий сундук. Токтагул Мерген заметил сундук раньше своего товарища и сказал:

– Посмотри, товарищ, что-то блестящее приближается к нам в волнах. Если бог того желает, вытащим этот предмет. Выбирай: если мы вытащим его, что будет твоим – то, что снаружи, или то, что внутри? Давай поделимся сейчас, так как, если это будет уже в наших руках, мы можем посориться и нарушить нашу дружбу.

– Я выбираю то, что находится снаружи, – ответил Домдагул Сокур.

– Тогда мое то, что внутри, – сказал Токтагул Мерген. – Ведь что бы ни было внутри, это неожиданно найденное сокровище.

Они сделали из шелка шнур и конец его прикрепили к стреле. Токтагул Мерген пустил стрелу, она полетела, свистя, и вонзилась в стенку сундука. Таким образом они смогли подтянуть сундук к берегу и вытащить его из воды. Затем они открыли его, а открыв, увидели в нем девушку, прекрасную, словно полная луна. Увидев ее, они оба тут же потеряли сознание.

– Кто ты, девушка, и в чем ты согрешила, что тебя заперли в этот сундук? – спросили они, придя в себя от первого изумления.

Ответила девушка:

– Я дочь хана Алтын-Бела, меня воспитали в совершенно темном доме, там я по воле бога стала беременной. Поэтому отец мой хотел меня убить, но матери совесть не позволила этого, и она позаботилась о том, чтоб, куда бы я ни попала, по крайней мере осталась бы в живых, поэтому она бросила меня в этом сундуке в море.

Сказал ей на это Токтагул Мерген:

– Я хочу взять тебя в жены, примешь ли ты меня как своего мужа?

– Приму, – ответила девушка. – Если я произведу на свет того ребенка, которого ношу под сердцем, то я с радостью пойду за тебя замуж.

Токтагул Мерген остался доволен этим ответом. Когда пришло время, родился ребенок, и был он прекраснее своей матери. Тогда Токтагул Мерген взял в жены дочь Алтын-Бела, и они, не желая жить в степи, поселились в городе, среди людей. Среди людей рос и ребенок. Из него вырос достойный и справедливый муж. Люди звали его Чингисом.

В это время случилось так, что умер правитель того города, где они жили. После него не осталось детей, и люди, не найдя другого достойного человека, подходящего для управления городом, сказали друг другу: «Здесь есть человек, которого мы зовем Чингисом, пусть он будет нашим правителем». Так они избрали Чингиса своим господином и присягнули ему: «Если ты прикажешь нам умереть, мы готовы и это сделать!»

Чингис был очень справедливый владыка, никому он не причинял несправедливости, никого не оскорблял. Юрты при нем жили в мире, а в народе не было и помину о воровстве или лжи. После того как Токтагул Мерген взял в жены дочь Алтын-Бела, у них родилось еще три сына. Эти три сына также росли, а когда выросли, то начали обижать Чингиса, говоря:

– Ведь у этого Чингиса нет отца, мы не можем терпеть, чтобы он властвовал над нами. У нас же есть отец, пусть один из нас и будет правителем!

Так втроем они нападали на Чингиса. И подумал Чингис: «Ведь я совсем один. Придет время, и они меня убьют». И он решил бежать.

Пришел он к своей матери и так сказал ей:

– Мать моя, мне нужно бежать отсюда, так как три твоих злых сына угрожают моей жизни.

– Куда же ты пойдешь теперь, дитя мое? – спросила его мать. – Если уж тебе нужно скрыться, скажи мне, куда ты пойдешь. Как я узнаю, жив ты или нет?

И сказал тогда Чингис:

– Куда мне идти? Хотелось бы пойти вверх по воде, туда, откуда ты когда-то прибыла сюда, и побывать в том месте, где живет мой отец; туда хотелось бы мне пойти и остаться там жить. Если отец мой живет за морем, то мне хотелось бы, если удастся, перебраться через море, а если нет, то я хочу жить на этом берегу. Но тебе, матушка, я любым способом дам знать, жив я или нет. На воду, которая тебя сюда принесла, я буду бросать птичьи перья, и их будут приносить сюда волны. Если они будут приплывать сюда, значит, я жив, а если они сюда более не приплывут, значит, я умер, – пообещал Чингис, простился с матерью и отправился в путь.

Так спасся Чингис. Он отправился вверх по воде, туда, где жил его дед. Но море он не смог перейти и поселился поэтому на этом берегу. Живя там, он ходил на охоту, стрелял во множестве диких зверей и птиц, из шкур диких зверей он изготовил себе шатер, а перья птиц бросал на волны. Вода уносила их, птичьи перья плыли вниз по течению, мать Чингиса видела их и знала, что жив ее сын. Чингис же накопил птичьих перьев целую гору.

Однако после того, как Чингис ушел из города, люди остались без правителя и пребывали в большом затруднении, не зная, кого выбрать себе в государи. Пришло им в голову, что другой сын той же матери будет хорошим правителем, и поэтому выбрали они владыкой одного из трех братьев. Звали его Бергельтеи. Однако он оказался не способен защищать народ. Появились в юртах воры, грабители и лжецы, и никто уж не полагался на слова повелителя, так как был он сам несправедлив, принимал взятки. Население стало уменьшаться. Собрали тогда люди совет и сказали:

– Владыка наш несправедлив, нечестен и не способен управлять народом. Когда Чингис был нашим ханом, не было в наших юртах ни воров, ни лжецов, не было угнетения. Народ наш был плодovit, а ныне стал малочислен. Не можем мы допустить гибели нашего народа. Бергельтеи не способен быть нашим правителем. Поищем Чингиса. Но как мы нападём на его следы? Один только бог знает, куда он ушел. А из людей может знать только его мать. Ее и нужно спросить.

Собрался народ и подошел к дому матери Чингиса.

– Не знаешь ли ты, куда девался Чингис? Твой негодный сын не может более быть нашим правителем. Он не может защищать юрты, а при Чингисе народ был счастлив. Хотим пойти к Чингису! Но мы не знаем, куда он ушел отсюда, а ты наверняка знаешь, а если знаешь, то скажи нам.

Ответила им мать Чингиса:

– Я охотно скажу вам! Вдоль воды вверх ушел Чингис, вы его найдете, если пойдете туда, и он придет, если вы его хорошенько попросите, но если вы захотите притащить его силой, то он не пойдет. Будьте очень осторожны, не говорите ему злого слова, ибо он уже давно не видел людей и может испугаться.

Понравилась эта речь народу, и двадцать пять избранных, достойных мужей отправились в путь, чтобы разыскать Чингиса.

И вот в один прекрасный день они прибыли в страну, где жил Чингис. Увидели они шатер Чингиса, изготовленный из шкур животных, увидели гору наваленных птичьих перьев, увидели и воткнутый шест, к которому Чингис привязывал лошадей.

– Здесь живет Чингис! – сказали они радостно, но тут же заметили, что Чингиса нет дома, что он ускакал на лошади охотиться.

– Не будем показываться ему на глаза, – сказали они друг другу. – Если он увидит нас всех, то убежит от нас. Спрячем наших лошадей, сами же укроемся в птичьих перьях. Если он придет, то мы захватим его неожиданно в постели.

Днем позже появился Чингис. Он подошел к воткнутому перед шатром шесту и сказал:

– Держите поводья ханской лошади!

Сошел с коня и снова сказал:

– Привяжите лошадь хана!

Вошел в шатер и опять сказал:

– Откройте двери перед ханом!

Когда был уже в шатре:

– Расстелите войлок перед ханом!

Затем он сел, говоря:

– Принесите еду хану! – И сам принес себе еды и стал есть. Насытился он, и одолела его усталость. Сказал он: – Принесите постель хана!

Сам он все тотчас же сделал и лег. Едва он только лег, как схватили его двадцать четыре мужа. Но стряхнул он с себя этих двадцать четыре человека так, что они полетели в разные стороны.

Но сказали люди:

– Господин наш, владыка наш, мы твои слуги, а пришли мы затем, чтобы умолять тебя, ибо с того времени, как ты ушел от нас, наше кочевье распалось. Возвратись домой и останься нашим правителем.

Так они привели его домой и возвратили народу. Но когда они хотели снова возвести его в сан правителя, три брата сказали:

– Мы не признаем его нашим владыкой, пусть он уйдет с дороги, а если он не уйдет, то мы убьем его.

Собрался народ и стал советоваться:

– Что нам делать? Если мы сделаем его государем, то он будет убит своими братьями, братья же, если мы сделаем их повелителями, не смогут держать в порядке кочевье. Спросим их мать, кому быть правителем.

И пришли к матери четверо ее сыновей: все четверо, соперничая между собой, хотели быть государями. Но сказала мать своим четырем сыновьям:

– Все вы четверо мои сыновья, не ссорьтесь, я рассужу вас по справедливости. Вот солнечный луч, повесьте на него свои луки, и тот, чей лук удержится на луче солнца, будет государем.

Принесли все четверо свои луки и повесили их на солнечный луч. Луки трех сыновей Токтагул Мергена тотчас же упали на землю, а лук Чингиса удержался на солнечном луче, хотя и снизу его ничто не поддерживало и сверху он ни на чем не висел. Женщина тотчас же призвала народ и сказала:

– Смотрите! По велению бога рожден этот мой сын, и по повелению бога луч солнца держит его лук. Его и изберите правителем. Если же остальные трое захотят его обидеть, убейте их! Ведь народ состоит из множества людей, не позволяйте же, чтобы кто-нибудь обижал правителя.

Так Чингис стал правителем. Он объединил разбросанные кочевья и справедливо ими управлял. Он взял себе в жены достойную женщину, и родилось у них три сына и одна дочь.

В те времена, когда он правил, это был самый лучший государь на земле. Ни в одной войне он не был побежден. Он не допускал, чтобы его народу наносили какую-либо обиду.

После того как о нем разнеслась слава как о выдающемся государе, из Византии пришел посланный просить, чтобы один из его сыновей стал там правителем. Так Чингис одного из своих сыновей отправил в Византию. Пришел посланный из Крыма просить кого-нибудь из сыновей Чингиса стать государем Крыма, и Крым также получил одного из сыновей Чингиса в качестве правителя. Пришли из страны халифа и сказали: «Хотим одного из твоих сыновей сделать нашим правителем!» Им Чингис также отдал своего сына. Тогда пришли с Руси: «Мы также хотим одного из твоих детей!» Так как, однако, сыновей к тому времени у него уже не осталось, то он отдал Руси свою дочь, которую русские приняли и сделали своей государыней.

После смерти Чингиса не осталось более достойного, справедливого правителя, так как все три его сына стали государями трех великих царств. Для казахов не осталось никого, кроме трех недостойных сыновей матери Чингиса. Все злые султаны казахов произошли от них¹².

Царица Неба

Старинное китайское предание

Царица Неба, которую называют также Святой Матерью, в то время, когда она еще жила на земле, была фуцзянской девушкой и звали ее Лин. Это была чистая и благочестивая душа. Она умерла непорочной девушкой в возрасте семнадцати лет. С того времени ее божественная власть дает себя знать на море, почему особенно почитают ее мореходы. Если на них неожиданно налетит буря, они просят о помощи Царицу Неба, и она слышит их.

В Фуцзяни много моряков, и не проходит года без жертв, без того, чтобы море не унесло кого-либо. Конечно, и в своей земной жизни Царица Неба относилась с глубоким сочувствием к своим соотечественникам, а так как она всегда стремилась помочь утопающим, то, разумеется, она и теперь имеет обыкновение чаще всего появляться на море.

В каютах кораблей, плывущих по морю, имеется изображение Царицы Неба. На кораблях имеется также три талисмана, изготовленных из бумаги. На одном из них Царица Неба изображена с короной на голове и с царским скипетром в руке, на другом – в образе просто

¹² Ж. Radloff. Proben der Volksliteratur der türkischen Stamme Siid-Sibiriens, III, 1870. S. 82–89.

одетой девушки, на третьем она стоит босая, с распущенными волосами и мечом в руке. Если кораблю угрожает опасность, то сжигают первый талисман, и вслед за тем приходит помощь. Если же это не помогает, то сжигают второй талисман, а затем и третий. Если и после этого помощь не приходит, тогда уже ничего нельзя поделать.

Если налетает буря, и небо закрывают темные тучи, так что моряки теряют направление, то обращаются к Царице Неба. Тогда она зажигает на поверхности воды лампаду, горящую красным светом. Если моряки следуют за пламенем лампы, то они избегают опасности. Случается, что видят и самое Царицу Неба среди туч, когда она своим мечом разделяет ветры. Тогда ветры рассеиваются, улетают на север и на юг, а волны успокаиваются.

Перед священным изображением находится на корабле палка. Часто случается, что рыбы-драконы играют на поверхности моря. Это две гигантские рыбы, которые одна против другой так высоко выбрасывают воду, что она закрывает солнце и глубокий мрак окутывает море. Издали в этом мраке виден иногда только сноп лучей. Если корабль плывет прямо на него, он спасается и буря неожиданно утихает. Если моряки оглядываются назад, то они видят, как две гигантские рыбы изрыгают воду: корабль проходит как раз меж их пастями. Где эти рыбы плавают, там неподалеку от них всегда бушует буря. Поэтому сжигают бумагу или шерсть, чтобы драконовы рыбы не увлекли корабль в глубину, или воскуряют фимиам в каюте перед изображением Царицы Неба, а затем берут прислоненную к ее изображению палку и «палочный мастер» размахивает ею над водой. Тогда рыбы-драконы убирают хвосты и исчезают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.